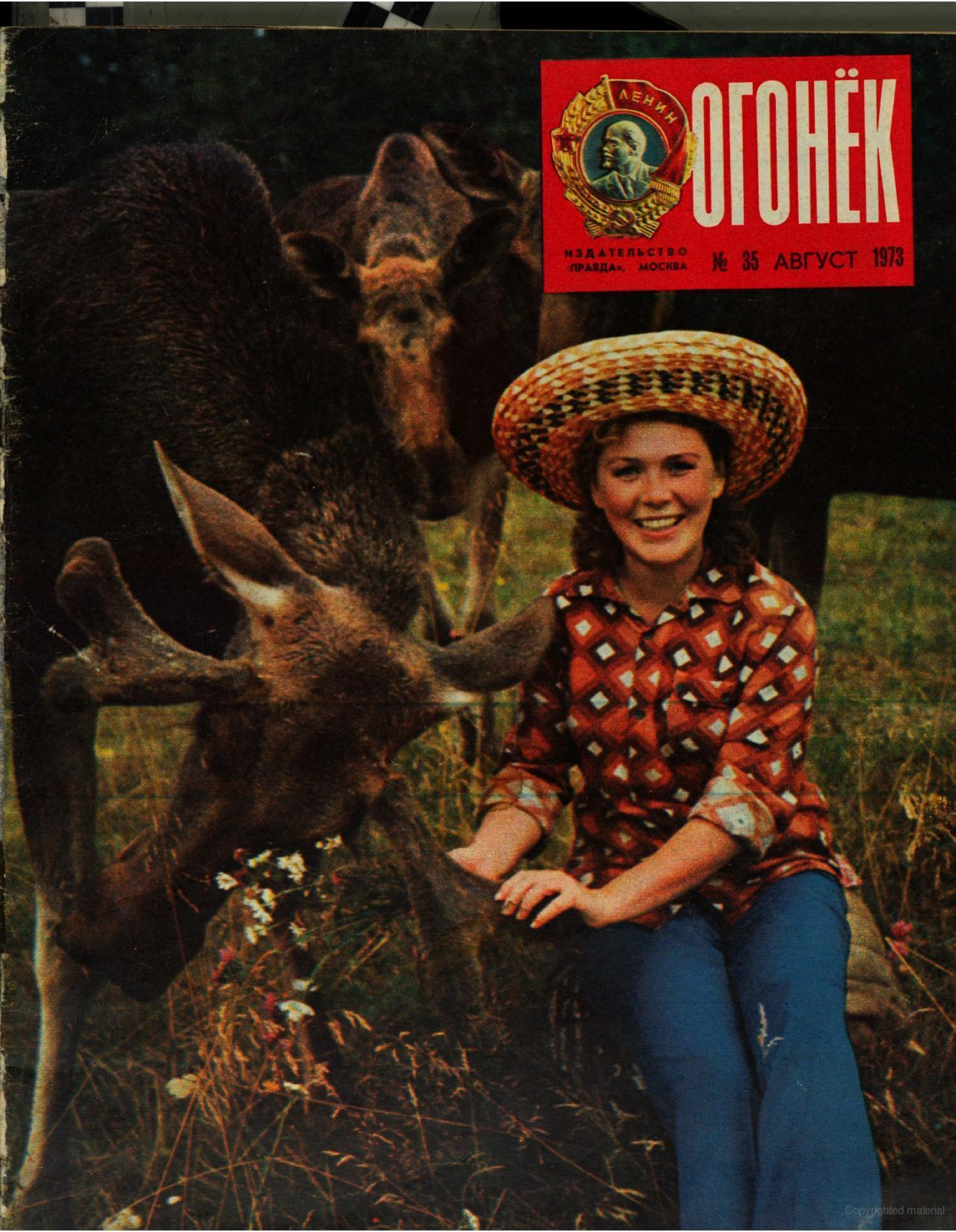


ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 35 АВГУСТ 1973

В ЕДИНОМ СТРОЮ —

Алма-Ата. 15 августа. Вручение Казахской Советской Социалистической Республике ордена Дружбы народов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (2408)

25 АВГУСТА 1973

«...Дружба наших народов — это величайшая сила нашего общества, наше огромное достояние».

Л. И. Брежнев. Из речи при вручении ордена Дружбы народов Казахской ССР.

ОЗАРЕННЫЕ БРАТСКОЙ ДРУЖБОЙ

Сырбай МАУЛЕНОВ

...Яркий августовский день. На небе легкие, как бы скользящие облака. Величаво и торжественно, расправив свои богатырские плечи, уходит к облакам белоснежный Алатау. Алма-Ата ждет своего большого праздника, олицетворяющего величие и мощь дружбы, братства народов. Дружба издревле была самым сокровенным чувством казахов. Казахская пословица гласит, что сила птицы — в крыльях, сила человека — в дружбе.

В моей республике трудятся сыновья и дочери более чем ста национальностей и народностей, их руками возводятся корпуса мощных комбинатов, строятся величественные дворцы культуры и спорта, выращиваются большие урожаи, создаются материальные и духовные ценности... Шахтеры Караганды, труженики Джезказгана, покорители целины Кустаная — прекрасные дела их озарены великими идеями Ленина, идеями ленинского братства народов.

...Вечер 15 августа навсегда останется в памяти трудящихся республики. Дворец имени Владимира Ильича Ленина по-особенному наряден. В его огромном зале собрались посланцы со всех концов Казахстана — руководители областей и районов, герои целины, знаменитые чабаны, прославленные металлурги, ветераны войны, представители интеллигенции республики. Наступило волнующее мгновение — открывается совместное торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана и Верховного Совета Казахской ССР, посвященное вручению республике ордена Дружбы народов.

Появление в президиуме Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Советского Союза товарища Леонида Ильича Брежнева встречается участниками торжественного заседания бурными, долго не смолкающими аплодисментами и приветственными возгласами. Многие из собравшихся здесь работали под руководством Леонида Ильича Бреж-

Фото И. Будневича и Э. Песова (АПН).

К НОВЫМ ПОБЕДАМ

нева, когда он возглавлял Компартию Казахстана, помнят его неутомимую энергию, незаурядный организаторский талант в освоении целины, в развитии экономики и культуры республики. Ее труженики и ныне глубоко ощущают неустанную заботу, повседневную помощь Леонида Ильича Брежнева Казахстану.

...Зал вновь гремит горячей овацией, приветственными возгласами, когда председательствующий предоставляет слово Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Здравицы в честь КПСС и ее ленинского Центрального Комитета, Политбюро, в честь дружбы народов поднимают весь зал, как мощную волну морского прибоя.

— Дорогие товарищи! — говорит Леонид Ильич.— С чувством большой радости я вышел на эту трибуну, чтобы приветствовать вас в связи с вручением Казахской Советской Социалистической Республике ордена Дружбы народов. Это — награда всей республике и каждому ее гражданину, коммунистам и беспартийным, труженикам промышленности и сельского хозяйства, людям науки и культуры. Она достойно венчает славный путь, пройденный Казахстаном в братском союзе советских народов.

...И каждый из тех, кто сидел в зале, ощущал ту теплоту и сердечность, с которой Л. И. Брежнев говорил о тружениках нашей республики, о великих свершениях Советского Казахстана, ставших возможными лишь благодаря гигантской, всеобъемлющей силе, что заключена в братстве народов СССР.

Славу ей, этой дружбе, воздают в нашей республике и стар и млад. Они помнят, что орденом Дружбы народов Казахстан был награжден в день 50-летия СССР. Незабываемый рубеж! Люди помнят, как все советские народы помогали строить новую жизнь в нашем Казахстане. И мы еще и еще раз отмечаем благородную роль великого русского народа в нашей исторической судьбе.

...Наступает торжественная минута. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев вручает республике высокую награду Родины. На знамени Казахской ССР рядом с орденом Ленина и орденом Октябрьской Революции засиял орден Дружбы народов.

Принимая эту награду, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана товарищ Д. А. Кунаев говорит: «Мы торжественно обещаем Центральному Комитету, Политбюро ЦК КПСС и лично Леониду Ильичу Брежневу, что Коммунистическая партия Казахстана, рабочий класс, крестьянство и трудовая интеллигенция республики сделают все для дальнейшего упрочения нашего интернационального братства, великой ленинской дружбы народов, будут и впредь всеми силами крепить экономическое и оборонное могущество Родины во имя достижения программных целей, начертанных на непобедимом знамени партии великого Ленина».

Слова эти звучат как клятва на верность партии, делу Ленина.

...Закончился праздник. Наступили трудовые будни. Стоит жаркое лето, идет битва за хлеб, металл, уголь. Казахстанские равнины, наполненные тяжелым колосом пшеницы, овеваемые ветром, словно тянутся к солнцу. То извиваясь, то пролегая прямой стрелой, степные дороги ведут к элеваторам. Идет хлеб в счет казахстанского миллиарда. Переливаясь и сверкая, горят огни городов, олицетворяя индустриальную мощь республики. И все они сбегаются к единому центру грядущего дня — коммунизму.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ...

Мухамеджан КАРАТАЕВ

Бывают мгновения, часы, дни высшего проявления чувств радости и гордости, для которых и слова не сразу найдешь. Именно это пережили мы, казахстанцы, в те августовские дни, когда в Алма-Ату приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев для вручения республике ордена Дружбы народов. С чем я могу сравнить всеобщее ликование, охватившее трехтысячную аудиторию Дворца имени В. И. Ленина? Трехтысячную ли? Ведь во Дворце, образно говоря, присутствовали миллионы. Мой Казахстан, и моя Россия, и моя Украина, и моя Киргизия — мы все словно прикоснулись к тому, что можно назвать ощущением большого, поистине всенародного счастья, праздника.

Лучшие умы человечества и в прошлом вкладывали в исполненные глубокого смысла слова «счастье народа» представление о дружбе с другими народами. Но невозможно было найти пути к этому счастью в условиях строя, заинтересованного в разжигании вражды между народами.

«Еще живет поколение, которое помнит те времена»,— сказал Леонид Ильич Брежнев в своей речи. Я принадлежу к этому поколению. С неожиданной отчетливостью я увидел кочевой аул моего детства, увидел праздник — той, праздник тех далеких и горьких лет. Тогда за скатертью-дастарханом сидели баи и волосатые урядники, муллы, но не было там места чабану. А хлебороба-казаха в родной мне Тургайской степи и в степях вокруг Карсакпая вообще не бывало. Мои деды и мой отец ездили на верблюдах покупать пшеницу за пятьсот верст на Атбасарскую ярмарку. Бесценен и скуден был этот хлеб, привезенный однажды в год и на весь год для всех многочисленных родственников и сородичей.

Я помню запах паялыча и полыни-джусана — степных трав моего детства. Но когда Леонид Ильич раскрывал впечатляющую картину наших достижений и сказал под бурные аплодисменты, что «в сплоченном строю советских социалистических республик Казахстан занимает место видное и почетное»,— я увидел родную степь, расцвеченную огнями индустрии. Я увидел первенца первой пятилетки Карсакпайский медеплавильный завод и гигантов девятой пятилетки: доменные печи, прокатный стан Карагандинского металлургического комбината, увидел Джезказганского горно-металлургического богатыря.

Передовая промышленность Казахстана, как и наше могучее сельское хозяйство, как и наша культура,— плоды ленинской национальной политики КПСС. И если у колыбели скромно выглядящего теперь Карсакпайского завода стоял мой давний старший друг, русский ссыльный революционер Иван Васильевич Деев, то и современные гиганты республики создавались и работают вдохновенными усилиями рабочих, инженеров, казахов, русских, украинцев, сплоченных в одной семье, в едином содружестве советского общества.

Есть глубокий смысл в том, что в своей речи при вручении ордена Дружбы народов Леонид Ильич уделил значительное место борьбе за хлеб. Мы знаем Леонида Ильича Брежнева как выдающегося ленинца, пламенного и непреклонного борца за мир. Мы знаем Леонида Ильича Брежнева как талантливого руководителя, организатора целинной эпопеи в нашей республике в бытность его первым секретарем ЦК КП Казахстана. И в лад с мыслями всех трудящихся Казахстана прозвучали слова Генерального секретаря ЦК КПСС: «Заложив в закрома Родины миллиард пудов

14 августа 1973 года. Встреча Л. И. Брежнева в Алма-Атинском аэропорту.

Фото И. Будневича и Э. Песова (АПН).

зерна, вы, товарищи, тем самым достойно отметите двадцатую целинную жатву».

Две республики-«миллиардеры» — Украина и Казахстан, братья по жизни, по борьбе, соратники по битве за хлеб. Соревнование за миллиард пудов зерна находит живой отклик и в обновленной целине и на берегах Днепра, в Алма-Ате и Киеве, в центре самой молодой области Казахской республики — Мангышлакской и на черноморских землях Украины...

К памяти о дереве, посаженном великим Кобзарем на суровой прикаспийской земле, прибавилась память о молодых деревьях, посаженных моими друзьями — писателями Советской Украины. А Герой Социалистического Труда украинец, первоцелинник Михаил Довжик и кустанайский хлебороб Жан Султан Демеев работают на одной бескрайней казахстанской ниве.

В ответном слове после вручения ордена член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев сказал: «Сложившиеся условия позволяют нам значительно перевыполнить народнохозяйственный план и вновь порадовать любимую Родину новым казахстанским миллиардом».

Эти слова товарищ Кунаев произнес от имени коммунистов республики, от имени всех ее тружеников, в том числе и от имени писателей, поэтов, ученых, которые не останутся в стороне от продолжающейся целинной эпопеи.

Демонстрация молодежи на улицах Сантьяго в поддержку правительства Народного единства.

СОЛИДАРНОСТЬ С ЧИЛИЙСКИМ НАРОДОМ

Внимание международной общественности приковано в эти дни к Чили, стране, которая под руководством правительства Народного единства ведет мужественную борьбу за укрепление и углубление процесса социально-экономических преобразований.

Эта борьба встречает отчаянное сопротивление внутренней реакции и ее империалистических покровителей. Но время работает против реакционеров. И они это прекрасно понимают, стараясь путем саботажа и подрывной деятельности вернуть утраченные позиции.

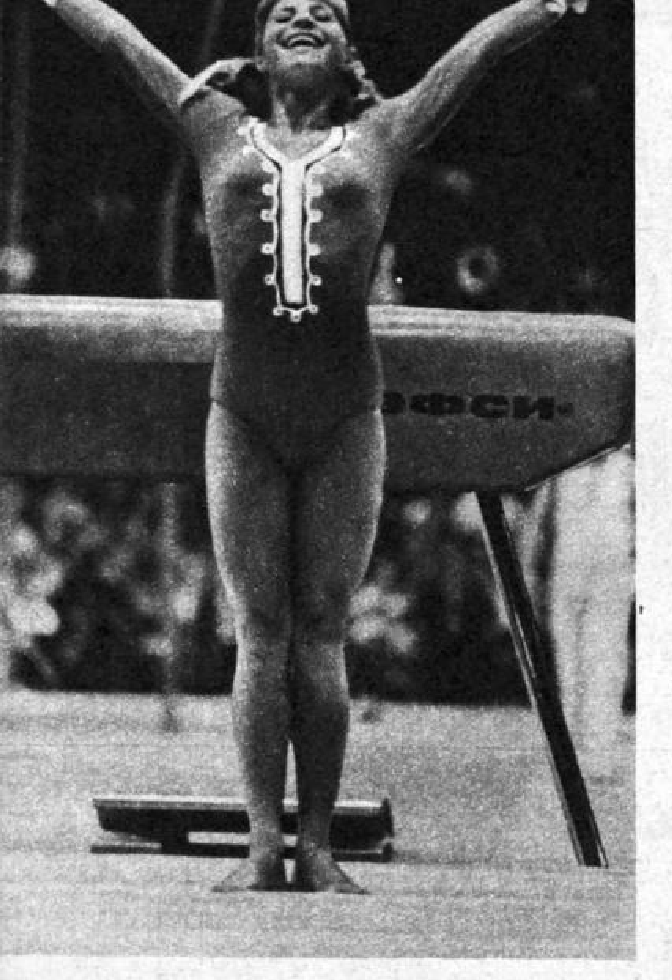
Рабочие, молодежь, студенты Чили организовали добровольные трудовые дружины, патрульные службы против саботажников и диверсантов. Чилийское правительство, в состав которого в результате проведенной 9 августа реорганизации включены представители вооруженных сил, а также корпуса карабинеров, предпринимает шаги к нормализации обстановки в стране. Широкие народные массы, трудящиеся на проходящих в Чили митингах, демонстрациях выражают полное доверие президенту страны Сальвадору Альенде и коалиции Народного единства.

С борьбой чилийского народа солидарны советские люди, все прогрессивное человечество.

Ю. СВЕРДЛОВ

Митинг солидарности с борьбой чилийского народа на Московском судостроительном и судоремонтном заводе.

Фото Пренса Латина и ТАСС.



Ольга Корбут — абсолютная чемпионка Универсиады-73 по гимнастике.

Они из далекой Австралии.

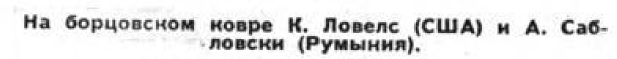
М.-Л. Пурсиайнен, финская спортсменка, победила в беге на 100 и 200 метров.

А. БОЧИНИН,
В. ВИКТОРОВ

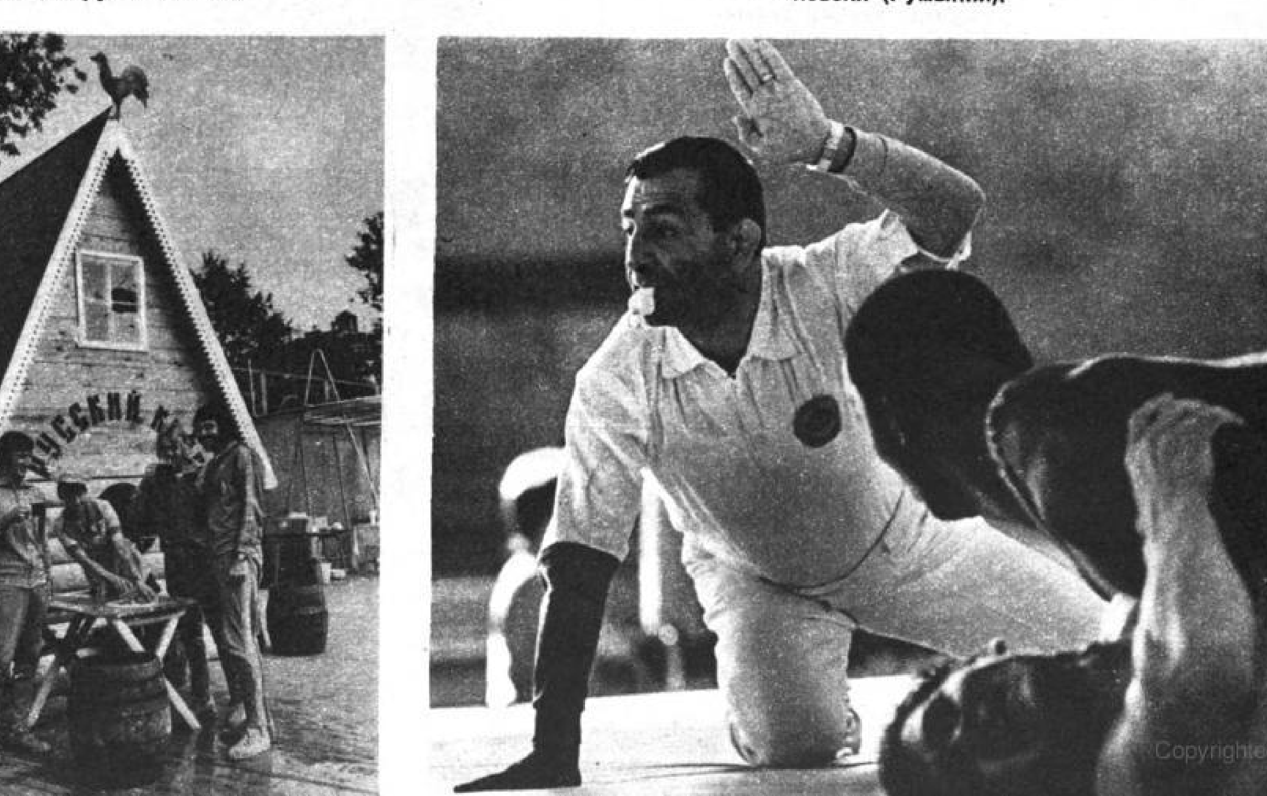
ПОБЕДИТЕЛИ–В

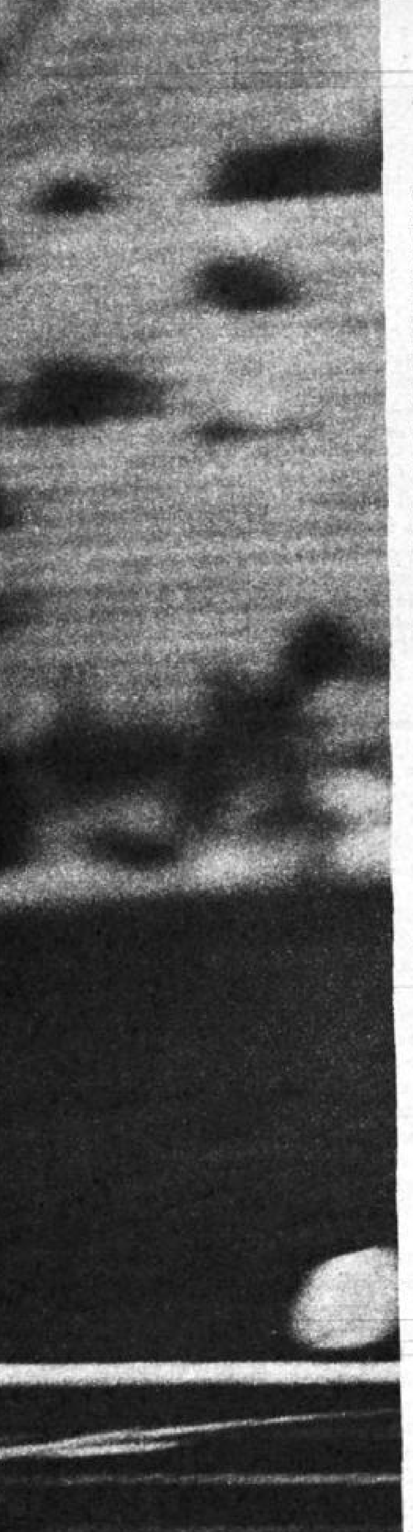
На баскетбольной площадке команды Чехословакии и Италии.

Спортсменам из ФРГ по вкусу пришелся русский квас.



На борцовском ковре К. Ловелс (США) и А. Сабловски (Румыния).





СЕ!

Валерий Подлужный завоевал первенство по прыжкам в длину.

Когда сидишь на огромном стадионе, до отказа заполненном людьми, когда вместе со всеми ждешь встречи со спортсменами чуть ли не семидесяти стран и до встречи этой остаются считанные минуты, с особой, я бы сказал, стереоскопической ясностью видишь, какого организаторского мастерства требует от устроителей такое комплексное соревнование, как Универсиада. Если бы удалось показать во всех деталях работу, проделанную тысячами творцов Универсиады-73, то картина эта была бы, наверное, не менее впечатляющей, чем выступления спортсменов.

Для спортсменов — представителей студенчества почти семидесяти стран старт Универсиады был дан 15 августа 1973 года, для ее устроителей — 5 декабря 1971 года, когда Исполком Международной федерации университетского спорта поручил проведение Универсиады-73 студенческому обществу «Буревестник». И вот подготовлены первоклассные спортивные арены, комфортабельная «олимпийская деревня», интернациональный клуб, наконец, оснащенное по последнему слову электронной техники судейское хозяйство. Да разве можно, хотя бы бегло, перечислить весь масштаб проделанной работы! Не зря ее очень высоко оценили президент Международного олимпийского комитета лорд М. Килланин и его соратники по МОКу,— граф Ж. де Бомон, Х. ван Карнебек, Р. Руссо и другие,— те, что через год будут обсуждать заявку Москвы на проведение Олимпиады 1980 года. В беседах и интервью деятели международного олимпийского движения говорили о том, что, увидев, как радушно и умело москвичи приняли младшую сестру Олимпиады — Универсиаду, они могут считать, что такой же радушный прием встретит и ее старшая сестра.

А какой опыт, какую закалку получили за эти десять дней москвичи — любители спорта! Ведь они имели возможность сами убедиться в том, какой выносливости, какого тонкого расчета требуют от зрителей комплексные соревнования олимпийского масштаба. Не так-то просто было им спланировать время, чтобы увидеть как можно больше. Уже в первые дни Универсиады в борьбу вступили сразу же представители семи видов спорта, и каких видов! Баскетболисты и гимнасты, легкоатлеты и фехтовальщики, волейболисты и теннисисты и, наконец, «новички» Универсиады — борцы. Вот и попробуйте побывать везде или не прозевать хотя бы самое интересное.

Да, несомненно, Универсиада потребовала высокого мастерства не только от ее участников и устроителей, но и от зрителей, и надо сказать, что они выдержали экзамен. Все арены, где в течение десяти дней шла борьба за универсиадные медали, были заполнены заинтересованными и эрудированными болельщиками. Самыми объективными болельщиками. И они одинаково горячо приветствовали и своих спортсменов и гостей — и копьеметательницу Светлану Королеву, завоевавшую первую золотую медаль, и югославского стайера Дана Корицу, и нашу блистательную гимнастическую четверку — Ольгу Корбут, Любовь Бурду, Эльвиру Саади и Любовь Богданову, и финскую бегунью Мону-Лизу Пурсиайнен, уверенно победившую на двух спринтерских дистанциях, и мужественного английского барьериста Б. Прайса, буквально вырвавшего золотую медаль на последних шагах стодесятиметровой дистанции. А какой широкий отклик вызвало рыцарское поведение бразильских баскетболистов, которые в матче с пуэрториканцами, оказавшимися на площадке втроем, в свою очередь, уменьшили свой состав до этого числа, отказавшись воспользоваться численным превосходством!

Пойди угадай, на какой из арен ждет тебя главная сенсация дня, это еще более трудно, чем угадать все цифры в «Спортлото». А если и были уверены зрители, где произойдет самое интересное, то как могли они, к примеру, увидеть одновременно и победу польского десятиборца Рышарда Скворонека над рекордсменом мира, олимпийским чемпионом Николаем Авиловым и не прозевать «финальной схватки» Ольги Корбут с ее заочными оппонентами, членами технического комитета Международной федерации гимнастики, которые намерены запретить сложнейшие элементы, разработанные советской гимнасткой?

...Маленькая Оля Корбут и могучие десятиборцы выступали в один и тот же час, и наши сердца разрывались от желания быть соучастниками и того и другого выдающегося зрелища. А в то время, как завершали свое выступление легкоатлеты и гимнасты, уже готовы были выйти на старт пловцы и борцы вольного стиля и близились финалы баскетбольный и ватерпольный, волейбольный и теннисный...

В тот день, когда писались эти строки, Универсиада еще продолжала свой бег, и к числу уже известных нам победителей должны были прибавиться еще множество новых, пока еще нам неизвестных. Но, кто бы они ни были, нам кажется, что мы имеем право и их поздравить с успехом. Ведь цель Универсиады, как ее определил в своем приветствии Леонид Ильич Брежнев, заключается в расширении международных спортивных связей, укреплении интернациональной дружбы и взаимопонимания между студенческой молодежью всех стран мира. Эта цель достигнута. Вот почему на Универсиаде не было побежденных, вот почему всех ее участников — и спортсменов и зрителей — можно поздравить с победой.

Универсиада-73 открыта.

ТЕЛЬ-АВИВСКИЕ ЭКСТРЕМИСТЫ В ИЗОЛЯЦИИ

Николай **ПАСТУХОВ**

События последнего времени убеждают, что противники процесса разрядки в международных отношениях не желают сдаваться. Ради достижения своих абсурдных целей они используют весь арсенал самых низкопробных средств и методов — от мелких провокаций до тщательно разработанной и щедро финансируемой подрывной деятельности, от подлой тактики в идеологическом противоборстве двух мировых систем до терроризма и воздушного бандитизма.

Состав рядов противников разрядки довольно пестр и разнокалиберен. Среди них кого только не встретишь! Рыцарей «холодной войны» и представителей военного бизнеса, бывших королей и ревизионистов всех мастей, неофашистов и расистов. Но, пожалуй, одной из самых оголтелых сил в этой компании является союз международного империализма и сионизма и его троянский конь на мировой арене — тель-авивские экстремисты.

Недавний захват Израилем над территорией Ливана гражданского самолета авиакомпании «Миддл ист эйрлайнс» вызвал гневное возмущение международной общественности. Террористическая акция Израиля, возведенная в ранг государственной политики, была единодушно осуждена всеми 15 членами Совета Безопасности ООН, включая представителя Соединенных Штатов.

Помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока Джозеф Сиско недавно заявил представителям прессы, что, хотя интересы Соединенных Штатов, возможно, параллельны интересам Израиля, они тем не менее не идентичны. Безусловно, это заявление, а также голосование представителя США в Совете Безопасности отнюдь не свидетельствуют об изменении подхода США к ближневосточной проблеме. Однако Вашингтон вынужден намекнуть Тель-Авиву на то, что он явно переусердствует и вступает в такие противоречия с международным правом, которые трудно хоть как-то оправдать.

Террористической акции Израиля с самолетом «Миддл ист эйрлайнс» предшествовал целый ряд аналогичных действий, но с более трагическими последствиями. Международная общественность помнит, как 21 февраля этого года израильские пилоты обстреляли ливийский гражданский самолет, который загорелся в воздухе. Тогда погибло 106 пассажиров. Затем последовал террористический налет на Бейрут и убийство трех руководящих деятелей палестинской организации «Фатх». Агенты израильских секретных служб недавно в Норвегии застрелили марокканца Ахмеда Бухики, а в Париже — арабов Махмуда Хамшари и эль-Кубайси. Если еще к этому добавить бандитские налеты израильской авиации на мирные города и села Сирии и Ливана, вооруженные провокации в территориальных водах этих стран и насилие, творимое на оккупированных территориях, то вырисовывается картина таких преступлений, на которые уже не может самым решительным образом не реагировать Организация Объединенных Наций. Не случайно последняя резолюция Совета Безопасности весьма серьезно и недвусмысленно предупреждает тель-авивских экстремистов от повторения подобных действий.

Израиль стоит на первом месте в мире по ежегодным военным расходам на одного человека — 483 доллара! Это в 1,5 раза выше военных расходов всех 18 арабских государств. Израильская пружина милитаризма с помощью международного империализма и сионизма заведена до предела. Но процесс разрядки в международных отношениях, который принимает все более и более необратимый характер, не позволяет привести эту пружину в действие. Поэтому Тель-Авив избрал путь провокаций, террора и нагнетания напряженности. А эти действия уже вызывают сопротивление израильской общественности, пробуждающейся после инъекции сионистского дурмана.

Сейчас в Израиле все более острые формы принимает классовая борьба. Рабочий класс, крестьянство и прогрессивная общественность не желают идти по пути, на который их толкают израильский капитализм и его экстремистское военное крыло.

Корреспондент лондонской газеты «Санди таймс» Эрик Мадсен вынужден признать, что «израильтяне платят самые высокие в мире налоги», что в стране растет «напряженность между общинами» и «кое-кто начинает подвергать сомнению концепцию исключительно еврейского государства и упора на иммиграцию». Эрик Мадсен также считает, что политика террора «еще больше увеличивает разрыв между Израилем и правительствами иностранных государств». Американские же корреспонденты Р. Эванс и Р. Новак в телеграмме из Иерусалима для газеты «Вашингтон пост» пишут: «Политический кризис, охвативший Израиль, оказывается гораздо глубже...»

Справедливость этой оценки подтверждается и другими сообщениями из Израиля. Так, например, с открытой резкой критикой геноцида на оккупированных территориях выступает израильская Лига защиты человеческих и гражданских прав. Другая организация, «За мир и безопасность», состоящая из представителей израильской интеллигенции и учащейся молодежи, поддерживает идею политического урегулирования ближневосточного конфликта. Редактор израильского журнала «Нью Аутлук» профессор Х. З. Дарин-Драбкин заявляет, что он намерен опубликовать брошюру, в которой будет доказываться абсурдность агрессивной политики правящих кругов Израиля. Видный общественный деятель Израиля Моше Эйдельберг, выступая за вывод войск с оккупированных территорий, указывает, что на основании исторического опыта за недальновидную, нереалистическую, ошибочную политику своих руководителей народы расплачиваются кровью, а государства — иногда своим существованием...

Так складывается картина изоляции тель-авивских экстремистов на международной арене и роста антивоенных настроений внутри самого государства Израиль.

Н. БЫКОВ

В конце первой недели августа Кубань продала государству три миллиона тонн зерна. Первый миллион тонн Поволжья — саратовский! И так каждый день поля телеграфируют: хлеб, хлеб, хлеб...

Август — месяц-хлебодар. На юге страны еще не отмолотились, а стрелка компаса уборочной страды уже показывает на север. Откричали перепела на Рязанщине, Смоленщине, на Урале и за Уралом: «Жать пора, жать пора...» Хлеборобам страны осталось убрать колосовые на последней трети отечественной нивы. А треть — это сорок миллионов гектаров! Гектаров зауральских, казахстанских, алтайских...

Теперь уже ясно, что нынешний год радует хлебостоем не только на Северном Кавказе, на Украине, но и в Белоруссии, в черноземных областях серединной России и в обширных районах Нечерноземья. Председатель орденоносного колхоза «Советская Белоруссия», Брестской области, Герой Социалистического Труда В. Л. Бедуля не без гордости сообщил по телефону: «Хлеб отличный. Намолоты радуют. В первые дни уборки брали больше тридцати центнеров пшеницы с гектара!.. Планы, безусловно, перекроем...»

На звонок в Суздальский райком партии Владимирской области — ранней весной мне довелось видеть, как в этом районе закладывали основу урожая,— долго никто не отзывался. Все ясно: страда! А в страду парторганизаторы пропадают в хозяйствах. Позвонил тогда на Владимирскую опытную станцию и узнал, что в Нечерноземье в пору налива стояло бездождье (в те же дни ливни с ветром, а местами и с градом валили наземь высокорослую, только что вызревшую пшеницу на Кубани и на Ставропольщине...). Аким Васильевич Горшков, председатель знаменитого колхоза «Большевик», Гусь-Хрустального района, приезжавший на очередную сессию Верховного Совета СССР, досадовал на сушь, на солнечный «захват» колосовых: «Где-то дожди, а мы вот, поди ж ты, глотнули суховея. Больше ста пудов, к сожалению, не намолотим, да и с травами беда прямо...» Однако к финишу пятилетки хозяйство идет с опережением графика. Теперь экономика колхоза в общем-то все в меньшей степени зависит от погодных неурядиц одного сезона.

Да, только мощью крепнущей экономики, успехами в осуществлении намеченной партией программы химизации сельского хозяйства можно объяснить тот факт, что даже поля, опаленные солнцем, то есть и Владимирское Ополье и Подмосковье, дают нынче почти по двести пудов ржи, а пшеницы местами и побольше!

Солнце страды забирается все выше, его лучи достают уже восточные области и республики страны. Тут-то и важно учесть опыт комбайнеров, шоферов, механиков юга, которые в борьбе за урожай 1973 года одолели немало трудностей: скосили полеглый хлеб, вымолотили тяжелые, влажные валки, стараются так обработать зерно, скопившееся на токах, чтобы не сорвать графика вывоза его на элеваторы.

Северянам есть чему поучиться, например, у кубанцев, инициаторов Всесоюзного социалистического соревнования земледельцев. Здесь за одну только неделю обмолачивали валки на площади более полумиллиона гектаров! И не раз доводили суточную продажу зерна государству до двухсот тысяч тонн! Поистине гигантские шаги. Как же не воспользоваться опытом таких мастеров? Так вот, краснодарские хлеборобы, а также их соседи — ставропольцы и ростовчане — показали, что ненастье (а ведь оно вполне возможно и в Зауралье, и в Северном Казахстане, и на Алтае) не должно тормозить ни косовицу, ни обмолот. В подобной ситуации дорог каждый погожий день. Да что день: кубанцы и ростовчане вели счет минутам. Глянуло солнце, повеяло ветерком — и сразу следует команда: «Мотор!» Чем выше солома, тем выше срез. Иначе волглые стебли путались, наматывались на планки мотовила, на шнеки... Да и самый валок при очень уж низком срезе неоправданно увесист, то есть настолько тяжел, что проваливается на землю — стерня его не держит. И гниет. Вот этого-то и нельзя допускать.

Побеждает тот, кто умеет предвидеть. Выигрывает тот, кто лучше оснащен техникой, кто не чурается опыта передовиков, успевает приспособиться к трудному хлебу.

Передо мною письмо в редакцию «Огонька», полученное из Херсонской области. Пишет старейший хлебороб Украины и, чувствуется, достаточно умудренный жизнью человек, председатель колхоза «Первое мая», Великоалександровского района, П. Омельянченко. Сообщает радостные, убедительные цифры: урожай в области небывалый, поля соседнего совхоза имени Ленина дали по 60 центнеров пшеницы. Даже нехарактерные для Херсонщины поля колхоза «Первое мая», который возглавляет много лет автор письма, дали на круг более 41 центнера пшеницы, 32 центнера ячменя. А озимая пшеница по пару — даже 56 центнеров! «За двадцать последних лет ни пшеница, ни ячмень, ни горох такого урожая не давали. А погодные условия в иные годы выдавались даже лучше!.. Тут сыграли роль люди, новая организация труда, привлечение всех резервов. Обстановка у нас очень напряженная, но деловая, коммунисты впереди в борьбе за большой хлеб».

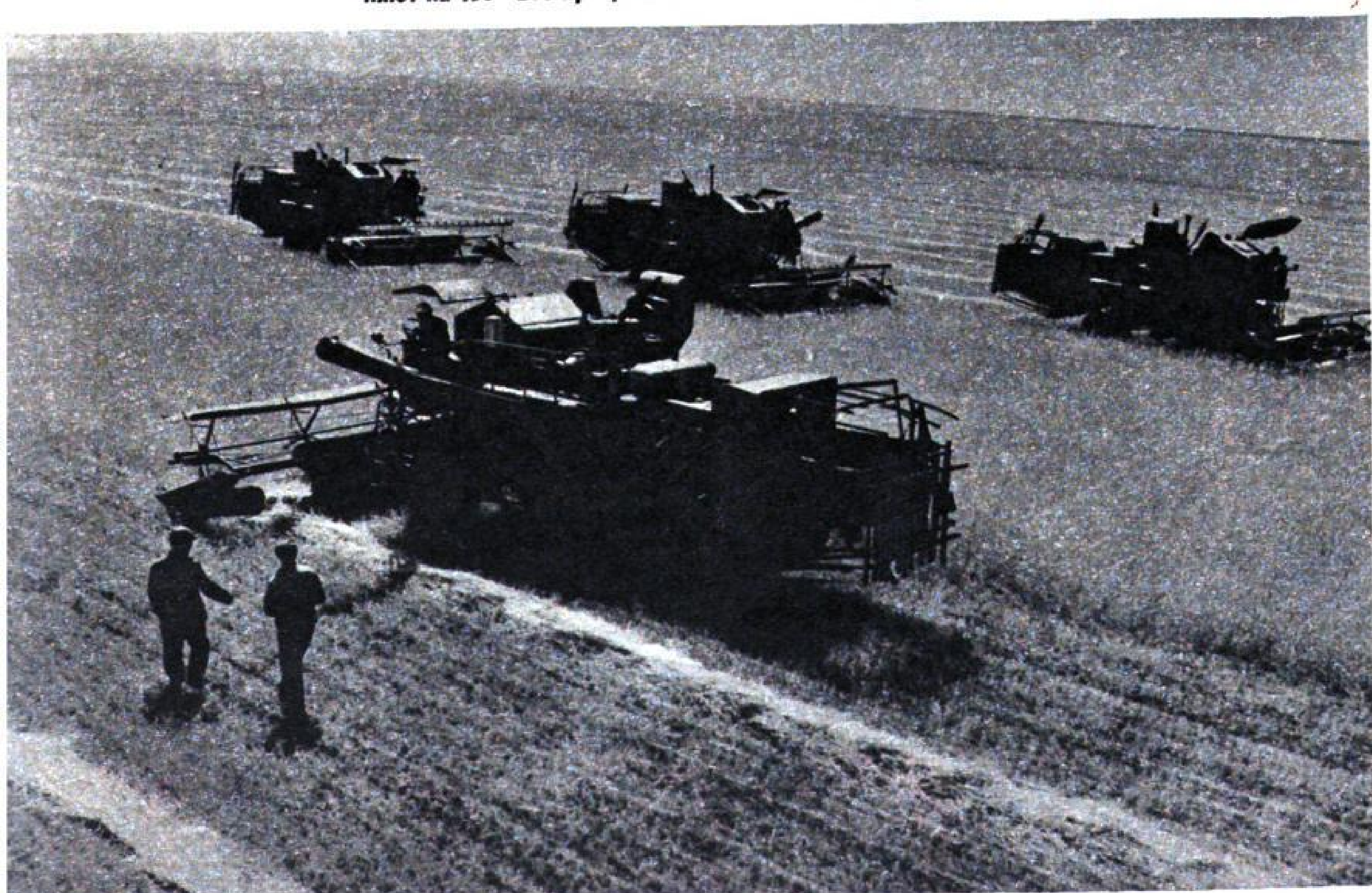
Письмо председателя колхоза П. Омельянченко я привел потому, что после цифр успеха автор перешел к самому существенному: к опыту подготовки техники. Она-то и помогла херсонцам. По инициативе областного комитета партии вся техника, все машины, уборочные агрегаты, кроме очередного техосмотра, прошли еще и тщательную подготовку, что бы-

Совхоз «Южный». Рука об руку с совхозными механизаторами трудятся на уборке урожая шахтеры Соль-Илецкого соляного рудника. Не первый год ведут машины по полям помощник бурильщика Валерий Деренский, машинист проходческого комбайна Николай Зеленин и машинист электровоза Павел Дехтярук.

КОЛОС

Фото Г. Быкова. ТАСС.

Оренбургская область, колхоз имени 1 Мая. Бригада Героя Социалистического Труда К. И. Купесова ведет косовицу хлебов. Свои сменные задания комбайнеры выполняют на 150—200 процентов.



ло проверено специальными комиссиями. Только после такой проверки на машине ставился штамп «Д-73», что означало: допущена к участию в уборочной страде 1973 года. Жатки, плуги, культиваторы, комбайны, автомашины готовились с учетом погодных условий, возросшего объема работ и массы небывалого урожая. Очень мудро.

Вот такое письмо пришло с Херсонщины, такие там дела. Знать об этих делах тем более важно, потому что тысячи комбайнов и автомашин с юга страны перевозятся на север и восток — они уже достаточно поработали, их надо буквально за считанные часы заново отрегулировать, подготовить ко второму штурму урожая 1973 года. На восточном фронте!..

Опыт, опыт, еще раз опыт!.. Механизаторы Ростовской области за две недели напряженнейшей работы убрали хлеб почти со ста тысяч гектаров! И тут же более трети из них перепахали под зябь, помня о хлебе—1974. А на востоке эти сроки будут еще короче...

В Казахстане — разгар двадцатой целинной жатвы. И это — двадцатая жатва в жизни, например, бывшего целинника Героя Социалистического Труда Ивана Ивановича Рудского и его славных товарищей, переехавших в юные свои годы с Украины в Казахстан. В речи в Алма-Ате товарищ Л. И. Брежнев, приветствуя решение хлеборобов Казахстана продать государству в этом году не менее миллиарда пудов зерна, говорил: «...Те, кто поднимал целину, живет и трудится на ней,— это люди героического склада».

Более производительно использовать уборочную технику — задача эта особенно актуальна в нынешние дни. И еще одна острая проблема— конструктивное совершенствование техники. Например, 1973 год показал, что «СК-4» недостаточно мощен на полях, получивших удобрения в достатке. А «Колос» пока не для всех. Мало еще их, новых комбайнов. Известный в стране бригадир, дважды Герой Социалистического Труда А. В. Гиталов призвал конструкторов смотреть вперед:

— Ведь не за горами то время, когда и «Колос» нас не будет устраивать.

Пожалуй, бригадир прав: не за горами урожаи в семьдесят и более центнеров. Особенно остры вопросы транспортировки вала урожая. Масса зерна, свеклы, картофеля, фруктов, винограда на обширных полях так теперь велика, что вывезти ее быстро и без потерь не всем и не везде удается. Вот почему трогает сердца та досада, которая прозвучала в словах А. В. Гиталова: «Иногда, откровенно говоря, легче вырастить урожай, чем перевезти его...»

Фронт страды, гул страды, заботы страды передвигаются все дальше на север и восток. Отечественная нива бескрайне велика! Долго еще не остыть моторам! До тех пор, пока могучий Колос 1973 года не будет обмолочен до зерна. До зерна! Пока не сложится миллиард украинских пудов с миллиардами Кубани, Северного Кавказа и ЦЧО, с полутора миллиардами пудов хлеба Нечерноземья и с миллиардами пудов Сибири и Казахстана. Такой уж он мощный — Колос третьего года пятилетки.

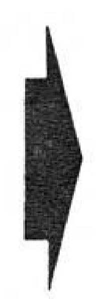
Геолог П. М. Голощуков.

ОДА ГЕОЛ

Машины идут за рудой...

ОГАМ

А. СОФРОНОВ,
фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.



—1—

В самом деле, что мы знаем о геологах? И очень много и почти ничего. Небольшими партиями они уходят в тайгу, пустыни, горы и ищут, ищут полезные ископаемые. По нашим представлениям, всегда что-либо находят, по представлениям геологов,— далеко не всегда. О них написаны книги и песни, поставлены кинофильмы. И все же по профессиональным особенностям геологов, оторванности от жилых центров большинство из нас не очень хорошо представляет себе их самоотверженную работу.

В нашей повседневной жизни, пользуясь десятками предметов первой необходимости, отправляясь в автомобильные и авиационные путешествия, мы, конечно, меньше всего думаем о том, что первоосновой этих путешествий является труд геологов: может быть, еще в давних, даже в очень давних поколениях, а возможно, уже и тех, кто сегодня готовит материальное снаряжение для новых экспедиций.

Только совсем недавно я понял одну простую истину, что мог бы прожить всю свою жизнь, так и не прикоснувшись к тайникам этой удивительной профессии, профессии, которая делает людей одновременно и деятельными и философски мыслящими, физически здоровыми и духовно зрелыми.

Подвел к этой мысли мой друг Камиль Нугманович Яшен, познакомивший меня со своим другом, министром геологии Узбекистана Хабибуллой Тулягановичем Тулягановым. А при первой же встрече с нами он, в свою очередь, познакомил нас со своим другом главным геологом Узбекистана Виктором Григорьевичем Гарьковцом.

В жаркий ташкентский полдень мы оказались в прохладном кабинете министра геологии Узбекистана, меньше всего рассчитывая на то, что задержимся в нем на продолжительное время, завороженные увлекательными рассказами Туляганова и Гарьковца.

Камиль Яшен нервно посматривал на часы. Глава писателей Узбекистана, он был тем человеком, который принимал гостей — писателей из других республик, прилетевших в Ташкент для проведения дней советской литературы и участия в вечере, посвященном 70-летию со дня рождения прекрасного поэта Узбекистана Гафура Гуляма. Гафур Гулям был большим поэтом. Он очень любил поэзию Владимира Маяковского. Поэзия Гафура Гуляма была всегда насыщена глубочайшей лирикой и страстной публицистикой. При жизни поэт любил повторять слова Маяковского: «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды»,— как бы отдавая дань поэзии геологии...

Мы с увлечением слушали рассказы Хабибуллы Тулягановича и Виктора Григорьевича об истории геологических открытий на территории Узбекистана, а Камиль Яшен все нервно посматривал на часы. В конце концов он сказал:

— Я за вами заеду. Сегодня открытие дней литературы в театре Навои, а завтра все писатели уезжают в Голодную степь.

А перед нами открывалась драматическая картина открытий залежей меди, свинца, серебра, цинка, угля. В рассказах наших новых друзей мелькали слова «молибден», «кадмий», «германий», «керамическое сырье»... Особенно часто повторялись сопутствующие друг другу «нефть» и «газ». Впрочем, что такое узбекский газ, мы уже отлично знаем по тысячам километров труб газопроводов, тянущихся из Узбекистана в разные направления по нашей земле.

...Уже вернулся в кабинет министра Туляганова Камиль Яшен, а мы все сидели за длинным столом, попивая зеленый чай. Обращаясь к Яшену, мы попросили:

— Камиль Нугманович, можно нам не ехать вместе со всеми в Голодную степь, поскольку мы не один раз бывали в этом прекрасном оазисе, возникшем на месте соленой пустыни, а отправиться к геологам в Алмалык и Ангрен?.. Тем более, что товарищ Туляганов поддерживает нашу просьбу.

— Это правда?— спросил Яшен министра.

— Правда,— ответил Хабибулла Тулягановнч.

Что оставалось делать нашему другу, гостеприимному хозяину Камилю Яшену, как не согласиться с этой просьбой?

—2—

Жанр оды чрезвычайно труден. В современной поэзии он почти не встречается. В последние годы поэзия стала очень конкретной и чувственной. Ода обычно писалась на верхних регистрах. Сейчас эти регистры встречаются так же редко, как отпечатки острых лап ихтиозавра, которые мы увидели в геологическом музее в том же здании министерства геологии, где словно читали главы каменной книги, зримо представшие перед нами на застекленных стеллажах. Но вместе с тем жанр оды разрешает некоторое обобщенное изложение явлений и событий. В данном случае избранный жанр позволяет мне, помня все увиденное в дни знакомства с Алмалыком и Ангреном, расположенными не так уж далеко от самого Ташкента, опустить многие цифры, подробности бесед и описаний, потрясающих воображение своими масштабами, металлургической и угольной промышленности Узбекистана.

...Итак, на другой день мы отправились в Алмалык в расположение геологоразведочной экспедиции треста «Ташкент-геология». После часового пути по прекрасным асфальтовым дорогам, среди хлопковых полей и разрезанных посредине дорогой глиняных бугров, источенных на срезах воробьиными гнездами, мы оказались в просторном, новом городе Алмалыке. На широких улицах, под тенистыми деревьями было много детей — добрый знак. Еще немного дороги, и мы оказались в экспедиции, где нас встретил Абдурасул Ишанкулович Зубайдулаев — начальник экспедиции.

— Геолог — брат и друг солнца и ветра,— сказал он в начале своего повествования.

Фраза эта запомнилась. Подтверждение ее — четыреста человек работников экспедиции, находящихся в вечном поиске. Я едва успевал записывать:

— Разведываем медь, свинец, цинк. Поиск и разведка должны дать возможность детального заключения о количестве запасов. Предприятие, которое возникнет на месте разведанных запасов, потребует точные данные: сколько будет добыто руды. Геологическая съемка — это история геологического развития данного района...

Звучали слова: «шурфы», «скважины», «канавы», «оруденение». И, наконец, заветное слово — «руда»!

— Для геологов открытие — цель жизни.

— Ошибок в анализе не может быть.

— Мнение тех, кто занимается разведкой на месте, и мнение тех, кто приезжает для инспекции, не всегда совпадает.

— Наши экспедиции в настоящее время оборудованы всем необходимым.

— Между открытием и разведкой — большой срок.

— Сейчас заканчиваем генеральный подсчет запасов меди.

— Узкие специальности геологов очень широки.

— Геолог — один в поле воин.

— Серго Орджоникидзе говорил: геолог может разорить и обогатить страну.

— Творческий подход и в геологии решает все.

— Период фантазии для нашего района прошел.

— Вода — полезное ископаемое № 1.

— Не каждый геолог находит. Но и это тоже работа.

— Сейчас все сплетены общим трудом. Нельзя лавры отдавать одному.

— В геологии бесполезных работ не бывает.

...Потом мы отправились на высокое полынное взгорье. Нас сопровождал Ирик Шагитович Сатеев, заместитель начальника производственно-технического отдела Алмалыкского горно-металлургического комбината. Он закончил горный институт в Свердловске.

С горы всегда видней. Словно гигантская графика, лежали перед нами все карьеры. По витым дорогам уходили отсюда груженые машины,

а навстречу мчались пустые. Внизу, маленькие, как игрушечные машины, работали экскаваторы. Из разных карьеров шла медная руда. Свинцово-цинковая.

Вдали виднелся химический завод. Первая очередь уже в строю. Ударная стройка девятой пятилетки. Предстоит реконструкция медно-обогатительной фабрики. Многое впереди — комбинат еще не полностью использует природные богатства.

— Можно сказать, что строит и работает здесь вся страна, — сказал Ирик Сатеев.— На комбинате работают люди сорока пяти национальностей Советского Союза. Между геологами и производственниками нет противоречий... Можно сказать, что мы ходим по металлу.

Мы направились на цинковый завод. Легкой белой струйкой лился цинк по желобам, чтобы вскоре превратиться в остывшие, сверкающие под солнцем слитки.

Мы не могли не побывать в цехе непрерывного литья и проката медной катанки. Тут я невольно вспомнил цех медного литья в Чукикамате, бывшем американском предприятии в Чили, отныне и навечно национализированном правительством Сальвадора Альенде у американской компании «Анаконда». В прошлом году, находясь в Чили, мы посетили этот цех. Страшная загазованность. Все литейщики работали в респираторах. Иначе дышать невозможно. Здесь, в Алмалыке, у разливочных машин дышалось легко, весь цех продувался. Даже не верилось, что так может быть.

— Все отсеивается,— сказал нам Максим Григорьевич Шаповаленко, начальник смены металлургического цеха.— Работают отсосы. А как же иначе?

Когда-нибудь это сделано будет и в Чили. Разве могли американские предприниматели заботиться о чилийских рабочих? Миллионы долларов прибыли любой ценой — вот была их единственная забота.

—3—

После ночевки в вагончике на берегу горной реки мы оказались в еще одном промышленном городе, рядом с которым расположен огромный открытый карьер по добыче бурого угля. Здесь мы были гостями у Эдуарда Иргашевича Хабибова, начальника Восточно-Кураминской геологоразведочной экспедиции.

Что такое Ангрен? Река кузнецов — дословный перевод с узбекского.

Снова широкие, просторные улицы. Новые дома. В киосках продаются цветы. В центре города большой памятник открывателю месторождения угля в этих местах геологу Министерства геологии Узбекской ССР профессору Чикрызову.

Хабибов называет имена русских ученых Мушкетова и Вебера, Машковцева, Обручева, внесших огромный вклад в создание угольной кочегарки Средней Азии. Сюда когда-то, во время войны, после тяжких ранений приехал Хабибулла Туляганов и работал на одной из шахт инженером.

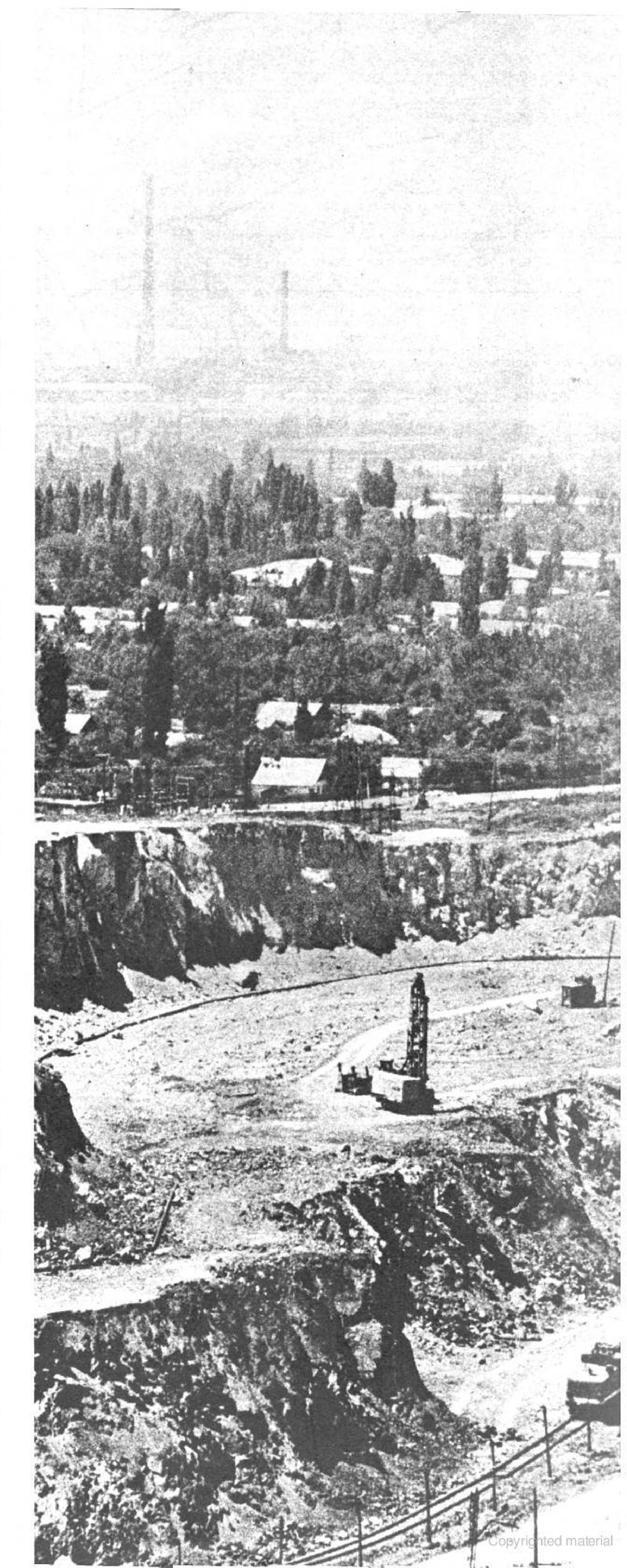
Машина стала спускаться к реке Ангрен, бурно клокотавшей по серым булыжникам. За городом мы проехали мимо новостройки. Город растет, раздвигает свои границы. И это тоже заслуга геологов. Ибо все здесь связано с их поисками, с их неустанным трудом.

* * *

Как все теперь это определить, ода это или не ода? Все же, видимо, вкрались в эту оду некоторые конкретные подробности, несколько нарушающие избранный автором жанр. Вкрались, несмотря на то, что автор буквально удерживал себя за руку, чтобы не впасть в подробное изложение того, что было увидено на этом индустриальном узбекском пейзаже. Но ведь речь шла о геологах. И когда-то пейзажи тех мест, куда впервые направили свои шаги геологи, резко отличались от того, что мы видим сейчас. Думаю, и без особой подсказки мы и сами понимаем, что именно геологи причастны к созданию Алмалык-Ангренского промышленного комплекса. Хабибулла Туляганов во время беседы в Алмалыке справедливо заметил, что сейчас все сплелось воедино и нельзя все лавры отдавать одному. Но справедливо и то, что геолог и один в поле воин. Тысячи таких воинов работают сейчас во чреве земли, ведя неустанный поиск богатств на пользу нашей Родины. Большими и малыми группами, целыми экспедициями, оснащенные современной техникой, уходят они в тайгу и пустыни, в горы и заоблачные выси, помня, что цель их жизни — новые открытия.

На широких просторах планеты в Азии и Африке и уже на землях Латинской Америки они выполняют свой интернациональный долг, вызывая сердечную благодарность миллионов людей, освободившихся от колониального гнета, своим трудом показывая пример бескорыстного служения человечеству.

Так как же нам, имея все это в виду, не воздать хвалу тысячам, десяткам тысяч наших друзей, мужественно и самоотверженно, в зной и холод, иногда и целыми семьями идущих на трудный поиск?!



Карьеры Алмалыкского горно-металлургического комбината. Тут добывают медную и свинцово-цинковую руду.

В КВАРТА
АБУЛ

Юсеф ас-СИБАИ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ЛЕ РИШ

Наше повествование начинается с комнаты на первом этаже старого дома, что стоит на улочке Харет эль Газалат в районе Эль Мадба.

В стене комнаты, выходящей на улицу,— окно в железной раме, через которое можно видеть скучающих прохожих, слышать возгласы торговцев, расхваливающих свои товары, дребезжащие удары жестяной кружкой по ведру с дешевым питьем и прочие звуки нехитрой уличной торговли. В боковой стене — дверь, ведущая во двор, где кучка детей весело и шумно играет в «топ»[1]. За второй, меньшей дверью — кухня. По стенам развешаны картонные таблички с изречениями из корана вроде «Тебе открыты новые врата» или «Успех и победа — от бога».

Что до мебели, то ее мало: широкая тахта с двумя спинками, старый буфет, швейная машинка малого размера, пять-шесть деревянных табуреток, низкий обеденный стол — над ним сейчас склонилась Ом Сайед. Она крошит к обеду листья молокейи[2], равномерно раскачиваясь грузным телом из стороны в сторону. При каждом движении у нее на шее обозначаются толстые складки жира, а бисерные подвески на головной косынке подскакивают вверх и позвякивают.

Кто-то стучит в окно.

— Кто там? — откликается Ом Сайед звучным голосом, напоминающим скрипку.

Хриплый бас отвечает из-за окна:

— Хлеб... Сколько хлебцев берете сегодня?

— Десять. Пять мягких, пять черствых.

Человек через окно кладет хлеб на подоконник, делает на нем отметку куском мела и безмолвно исчезает.

Ом Сайед приподнимается, протягивает руку к хлебцам и придирчиво осматривает каждый. Потом оставляет все на подоконнике и возвращается к своей стряпне.

Внезапно через полуоткрытую дверь в комнату с силой запущенной ракеты влетает какой-то предмет и с грохотом ударяется о железную раму окна. «Стекла только потому не разлетелись вдребезги,— мелькает в голове Ом Сайед,— что милостивый бог вовремя помешал этому». Она сердито берет в руки «ракету», которая оказывается всего лишь «топом», инструментом детской игры, выскользнувшим из руки одного из игроков.

— Ах, Сайед, ах, дрянной мальчишка! — кричит она во всю мощь своего прекрасного голоса.

Но Сайед не отвечает — должно быть, удрал подальше со своими сверстниками, почуяв неизбежную взбучку.

Женщина несколько раз повторяет гневный окрик, но все напрасно. Она берет деревянного нарушителя спокойствия в руки, презрительно разглядывает его и мстительно сует под стол. И снова принимается крошить сочные листья.

Через несколько минут она улавливает шаркающие, медленные шаги... Женщина внимательно прислушивается и удивленно раскрывает рот. Она уже знает, кто сейчас войдет в комнату.

— Почему так рано сегодня? — напрягая грудь, кричит она навстречу входящему.— Почему? Избави нас бог от всякого зла...

У нее есть все основания удивляться — на часах всего десять утра. Ее муж никогда, ни разу не возвращался домой раньше полуденного моления. Не иначе, как стряслось что-то дурное...

Абу Сайед, или Шейх Али Лоаз, как зовут его по теперешнему занятию, стоит, молча уставившись на жену, и разглядывает ее исподлобья. На лице его написаны гнев, обида, растерянность...

Женщина повторяет свой вопрос:

— Почему так рано? Что-нибудь случилось? Говори же!

— С меня хватит!.. Я сыт по горло... Нет, нет, с этим покончено!

Да, Шейх Али подтверждает: он взбунтовался. Он решил восстать против своей новой работы, к которой его принудили. Что у него общего со всем этим... с этой благочестивой внешностью, курчавой бородой, которую пришлось отрастить, болтающимися четками, бормотанием сквозь зубы? Кто бы мог подумать, что он, выходец из народа, самородок, опустится до такого нелепого состояния? Кто поверил бы, что он, великий чародей-фокусник, одаренный акробат и актер, он, испробовавший уйму всяких других профессий, вдруг превратится... в высокочтимого шейха мечети, в смиренного священнослужителя! Слов нет, это спокойная, доходная должность, но он... нет, он не согласен больше мириться с нею! Несколько недель, месяц, другой он выполнял, и даже искусно выполнял, эти обязанности; но связать себя на всю жизнь!.. Даже подумать об этом — и то оторопь берет!..

...Прежние, приносившие ему славу и восхищение дни чередой проносятся сейчас в его сознании — дни, когда он был свободен и ни от кого не зависел, даже когда был разносчиком, подметал улицы и дворы, чтобы как-нибудь прокормиться.

Он вспомнил свою первую профессию — помощника замечательного мага-фокусника. Али таскал тогда на спине кожаный чемодан мастера Сонбола, и они кочевали с улицы на улицу, со двора на двор. Он помогал учителю показывать волшебные трюки в кофейнях или просто в кругу молодежи на улице. О, это были сногсшибательные фокусы: учитель втыкал, например, меч себе в живот и вытаскивал его из спины, да мало ли их было, этих чудес!

Мастер Сонбол учил его и научил многому... Он втолковывал ему, с помощью каких приемов можно отвлечь внимание зрителей и ошеломить их неожиданным трюком. Он вообще был для Али первым учителем жизни. Мастер заставил его понять, что люди подчас бывают глупее обезьян — все равно, будь то бедняк, или процветающий богач, или знаменитый политик. Учитель говорил: «Поставь последнего бедняка на место богатого и наоборот, и ты увидишь: ума не прибавится ни у того, ни у другого».

Мастер доказывал ему, что в мире нет ничего неодолимо трудного и недоступного — надо быть всегда готовым к любой работе и не отговариваться тем, что эта работа незнакома или непосильна. «Время воздает за все,— говаривал мастер,— поэтому доверяйся милости времени, рано или поздно оно вознаградит тебя». Он учил, что время превращает простое зернышко в цветущее тенистое дерево, превращает крохотный, простейший эмбрион в суетное человеческое существо, а это существо — в гниющие, распадающиеся кости. «Поэтому,— заключал мастер Сонбол,— разве не может время, которое все изменяет и все возрождает, сделать из тебя подлинного человека, пусть даже теперь ты не умнее обезьяны!»

Да, мастер Сонбол передал ему очень многое из своей мудрости. Он советовал ничему не удивляться в этом мире, полном чудес... «Как можешь ты изумляться, когда вокруг тебя постоянно совершается столько невероятного? Не удивляйся, если увидишь, как из окошка роскошного «бьюика» выглядывает собака, и тем более пусть тебя не поражает, если узнаешь, что пса везут к врачу, ибо пес объелся сластей и испортил себе желудок. Пусть тебе не покажутся невероятными даже похороны пса, длинная траурная процессия под горестные крики и стенания в то время, как едва ли кто уронит слезу, когда умрет человек вроде тебя. И, наоборот, удивляйся, если похороны бесценного пса не будут описаны во всех подробностях на первых страницах больших газет...»

Всему этому учил его Сонбол — пусть бог будет милостив к его душе, переселившейся

---

[1] Деревянный шар.
[2] Сочное зеленое растение, служит блюдом для небогатых людей.

в другой мир. И Али твердо решил: оставаться до конца верным своему учителю и повторить его жизненный путь. Увы, благодарного ученика подвел проклятый голод, от которого мутило в голове. Он, Али, совершил невероятный поступок: однажды не удержался и проглотил один за другим все десять кусков торта, которые мастер Сонбол ухитрялся извлекать из пустого металлического цилиндра, показывая свои фокусы. Из-за этого непотребного поступка ученика великий маг потерпел унизительный провал на очередном представлении.

Мастер тут же прогнал Али, но предварительно отколотил так, что следы экзекуции кое-где видны и по сие время.

Однако наставления мастера Сонбола послужили ему верным компасом на жизненном пути. Он твердо уверовал в то, что нет для человека ничего невозможного и что он сумеет справиться с любым, даже самым трудным делом.

Он стал работать чистильщиком обуви. Переходя из кофейни в кофейню, он стучал щеткой о ящик и кричал молодым, звучным голосом:

— Не желаете ли почистить, господин... госпожа?..

Сначала он даже не знал, как доводить до блеска мужские ботинки и дамские туфли. Усаживаясь на корточки возле очередной пары, он замирал от страха — бывало и так, что вместе с обувью он начинал «полировать» и носки клиента. Но потом все наладилось и стало на свое место — сначала вытереть тряпкой грязь, потом намазать кремом, обработать щетками, навести глянец суконкой... Философская идея Сонбола о том, что время всему учит, все устраивает и все возмещает, оправдывалась на деле как нельзя лучше.

Но однажды, проснувшись поутру, Али увидел, что кто-то украл его ящик со всем содержимым! Он был безутешен, но потом подумал, что ведь вор мог вдобавок лишить его жизни, а не просто стянуть какой-то там ящик. И он возблагодарил бога, утешился и весело рассмеялся. Надо было начинать сначала. И ему повезло: его взял к себе на работу подручным владелец театра «Арагоз»[1] Ибрагим Бондог. Обязанности подручного были несложными: носить барабан, выбивать на нем дробь палочками, привлекая зрителей, а при случае выкрикивать отдельные фразы, разъясняющие ход действия.

Али согласился на новую работу без колебаний. Правда, сначала он опасался, управится ли с барабаном, но очень скоро приспособился, и все пошло, как «струящаяся вода в ручье», согласно старой поговорке. Но и тут его подстерегала неожиданная перемена. Почтенный Ибрагим Бондог тяжело занемог и однажды на рассвете отдал душу богу. Родственников у него не было. И Али унаследовал все имущество театра и стал продолжателем дела Бондога.

Все, однако, оказалось не столь просто, как тарахтеть на барабане. Театр требовал прежде всего таланта, опыта, а главное, чтобы разыгрывать пьески, требовалось умение петь и произносить слова и фразы с особой интонацией, привычной для зрителей «Арагоза». Он начал усердно упражняться, тренировать горло, вырабатывать нужный тон — трудился над этим долгие часы. Корпел он и над музыкальным сопровождением — «оркестр» состоял из трех инструментов, на которых пришлось играть по очереди самому Али. В конце концов, с божьего соизволения, он обрел качества, необходимые для исполнителя всех ролей в этом театре.

Али души не чаял в своей новой профессии. И он старался внести в нее кое-что от себя, стал сам сочинять новые пьески для представлений. Больше того, он разучивал новые, получившие популярность сатирические монологи и вставлял их по ходу действия.

Понемногу он обогатил театр «Арагоз» новыми персонажами — типами, во многом отличными от традиционных. Он часто вспоминал о своем первом учителе и в память о нем ввел даже новую куклу по имени Сонбол-чародей.

Судьба обходилась с ним ласково, и жилось ему несколько лет привольно и сытно. Вскоре он вступил компаньоном в постоянный театрик и стал давать там свои представления по вечерам. В труппе театра он начал выступать и в амплуа клоуна. Заработки все повышались, Али слыл среди друзей самым остроумным собеседником, ухаживал за девушками, был неизменно весел и беззаботен.

Так жил он до тех пор, пока бог не покарал его большим бедствием — женитьбой. И жизнь его снова покатилась вниз.

Он влюбился в Азизу, дочь шейха приходской мечети в квартале Абул Риш и смотрителя кладбища при ней. Это был скромный, незлобивый человек, но строгий, старого закала священнослужитель...

...И вот сейчас Али стоит у себя дома и внимательно разглядывает Азизу, которая после замужества взяла себе имя Ом Сайед. Он изучал ее так не раз, и все качал с сожалением головой, и спрашивал себя, и никак не мог уразуметь, как могло случиться, что он полюбил эту женщину. Что было в ней такого выдающегося, что толкнуло его на эту любовь? Глупая обезьяна — вот чем он был тогда, в юности. Он начисто забыл совет Сонбола остерегаться женщин, не попадаться в ловушку брака, быть как можно дальше от страшного искушения, которое люди называют любовью. И все-таки он попался в этот капкан, как любой другой глупец. Он вспомнил, как почувствовал себя обманутым, когда впервые увидел пухлые, потные бедра Азизы, все ее рыхлое, тяжелое тело...

Она бросилась ему в глаза в театре, среди публики, ожидавшей начала представления. Он разглядел ее через дыру в занавесе театра, и она как-то сразу очень ему понравилась. Исполняя свой номер клоуна, он стал пристально глядеть на нее одну, адресуя ей шуточки в духе жаргона театра «Арагоз»: «Ах, я обожаю сливки и овсяную кашу» и прочее. Она почувствовала это, покраснела, поднялась и вышла, рассерженная. Но любовь уже пустила крепкие корни в его сердце. После долгих колебаний он решился и пошел к отцу Азизы просить ее руки.

Вначале Шейх Заки эль Эрд отнесся благосклонно к этой просьбе. Но, когда Али рассказал ему о своей профессии, старик отшатнулся с видом презрительного негодования, тут же наотрез отказал. Шейх Заки добавил, что, если у Али серьезные намерения, пусть он сначала немедленно переменит профессию.

Шли дни. Али все думал, примерялся, сравнивал: Азиза или искусство? В конце концов он отдал предпочтение девушке.

Для него, собственно, уже не составляло труда найти себе другую работу. Он быстро продал немудреное оборудование своего кукольного театра, на вырученные деньги приобрел ручную тележку и стал продавать сласти, которые назвал «Али-Лоах»[2]. Купил он еще две доски с мишенями и ружьецо для детского тира — призами за меткую стрельбу служили те же конфеты. В довершение он выставил на тележке несколько коробок «Малбана»[3]. Голосом уже опытного актера он пел рекламные призывы: «Шире откройте глаза! Нет лучше сластей, чем «Али-Лоах» и «Малбан»!

Али стал преуспевать в своей коммерции и в конце концов женился на Азизе. Супружеская жизнь началась для них без особых огорчений, но кончилось тем, что он испил горькую чашу мужа под каблуком жены. Особенно явно это сказалось тогда, когда вдруг освободилось место в мечети, которое занимал его тесть, смиренный слуга божий Шейх Заки: старик мирно скончался в окружении родственников и прихожан.

Супруге Али, Азизе, она же Ом, и ее матери Фатьме эль Эрд пришла в голову мысль на место покойного старца определить Али и тем удержать доходное дело в руках семьи. Они наперебой расхваливали эту свою замечательную затею.

Али изо всех сил доказывал им, что после долгой карьеры фокусника, кукольника и клоуна он решительно непригоден для подобного рода занятия и что прихожане это в два счета раскусят. Но спорить с упрямой тещей было не только невозможно, но даже небезопасно.

Приступая к исполнению новых обязанностей, Шейх Али — так его назвали по его новой должности — испытывал страх и смятение. Он не имел ни малейшего понятия даже о простейших религиозных требах, не говоря уже о более сложных. Но тут он вспомнил все ту же спасительную философию покойного Сонбола: в мире нет ничего невозможного, время улаживает все!

И Шейх Али принялся, как того требовал обычай, отращивать бороду. Он стал репетировать перед зеркалом положенные его сану жесты, хмурил брови, бормотал что-то под нос — словом, репетировал все, что создавало надлежащий облик служителя бога. Время шло, и он стал пользоваться уважением прихожан. Он все больше нравился им. Зато все меньше нравился он самому себе...

Кончилось тем, что Али почувствовал непреодолимое отвращение к своей работе, возненавидел разросшуюся и отяжелевшую бороду и твердо решил, что был ближе

---

[1] Передвижной кукольный театр, дающий представления для детей на улицах городов и деревень.

[2] Конфеты Али.

[3] Конфета, начиненная измельченным орехом.

Сергей **ВАСИЛЬЕВ**

СТОЛИЦА СТОЛИЦ

Словно по стрелам огромного веера,
сквозь ветровей и листву
с запада,
юга,
востока
и севера
мчат поезда на Москву.
В полночь и в полдень, играющий
красками,
вечером мчат и с утра
с Белого моря,
Байкала
и Каспия,
с Ладоги,
Волги,
Днепра.
— В Москву! —
высекают на стыках напористо
диски вагонных колес.
— Везу! —
откликается пышущий скоростью,
взмокший, как конь, тепловоз.
— В Москву! —
по-орлиному кличут за тучами
крылатые «ИЛы» и «ТУ».
— Встречай! Подплываем! —
гудками могучими
суда рапортуют в порту.
— В Москву! —
повторяют сердца торопливые.
В Москву дорогую скорей,
в столицу столиц с золотыми приливами
полотнищ,
цветов,
фонарей.
В Москву, осененную знаменем Ленина,
его дерзновенной рукой,
в город, где каждая площадь оценена
силою правды людской.
Взглянуть на Кремлевские звезды высокие,
на древние башни взглянуть.
И снова продолжить дороги далекие,
заманчивый
жизненный
путь.

ШАГАЮ КАК ДОБЫТЧИК И ЗАДИРА

РОДНЯ

Сибирь таит несметный клад огня.
Найти его,
добыть,
схватить руками!
Да, в этом смысле — близкая родня
бакинцы с дальними сибиряками.
И тут, на зное,
и на стуже, там,
в бурунном море
и в глухом болотце
нефть «ходит за бурами по пятам»,
да только в трубы сразу не дается.
Вот так же и в поэзии моей —
лежат пласты под самыми ногами.
А ты нагнись, попробуй-ка сумей
схвати слова да сделай их стихами!
Таинственной безвестности полна
подверженная поиску впервые
словесная глухая целина,
таящая запасы золотые.
...Встаю чуть свет. Окно еще в сурьме.
Беру перо.
И жадно и жестоко
иду в разведку по словесной тьме,
не ведая ни отдыха, ни срока.
По маю прохожу,
по декабрю,
шагаю как добытчик и задира,—
то методом Некрасова бурю,
то способом лукавого Сабира.
И ничего,
находятся слова.
Спасает корень близкого родства.

ДЕТИ ВСЕГДА НУЖНЫ

Есть у меня два сына, есть две дочери.
Честное слово, ей-ей,
ничего ребята, к труду охочие,
один одного шустрей.
Без прикрас, без обмана всякого
заявляю, что их
всех четверых люблю одинаково,
всех четверых.
Сам себе говорю: «Как же иначе!
Весла в руки — учи грести.
В океане житейском вынянчи,
коль не упас в горсти».
Не хочу скрывать: дочки смелые —
без проволочек, не как-нибудь
отца грешного дедом сделали,
не успел и глазком моргнуть.
Так и режут мне дочки попросту:
«Не положен нам недород!
Не ворчи, старик, не воюй с нами попусту!»
Что ж ворчать мне? Наоборот!
Восклицаю с душевной силою:
«Ах, вы, мои княжны!
Не стесняйтесь, рожайте, милые!
Дети всегда нужны!»
Ну, а как сыновья? Прочно сделаны,
так и этак глянь — неплохи.
Но по возрасту, ясно дело, зелены,
не годятся еще в женихи.
Оба рослые, ладно сбиты-скроены,
брови — черной смоле под цвет.
Есть, конечно, в мальчишках свои зазорины,
а у кого их нет?
Старший прочит девиз: «Нелепица —
моде следовать целиком!»
А как к зеркалу сам прилепится —
не оторвешь силком.
Да и младший в ладу с расческою:
с самых ранних пор
так и гнет волосенки жесткие
на косой пробор.
Младший тоже заквашен здорово:
не застанешь его врасплох.
В маму — личиком, в папу — норовом.
Ох, не дай бог!
«Ничего,— утешаюсь я,— образуется.
Голова на плечах, не ботва.
Корни крепкие у парней. Образумятся
оба-два!»

БРАТСКАЯ ПЕСНЯ

Катит Волга волны голубые
в бурный Каспий, к южному теплу.
Держит путь свой матушка Россия
на Баку, на солнечный Баку.

Хочется ей теплый край проведать,
смуглых братьев ласково обнять,
сока виноградного отведать,
слово задушевное сказать.

Хочется России всесторонне
распознать прославленную знать,
посмотреть на чудо Апшерона
и себя, конечно, показать.

Ой ты, ширь, каспийское приволье!
Хочется России погостить,
разделить с южанами застолье
и к себе на Волгу пригласить.

ЕМУ ВОСЛЕД

...А рябины вдалеке
Будто нарисованы.
А. Прокофьев

В последний раз его я встретил
в фойе гостиницы «Москва».
Еще он был по-братски светел
и неуступчив на слова.

По всем правам старшего друга
палил по мне, перчил огнем.
Но подколодный червь недуга,
видать, уже гнездился в нем.

Одолевая хворь-усталость,
еще он был шутлив и мил,
но в каждом жесте ощущалось:
рябину ветер надломил...

«КУРГАНСЕЛЬМАШ»

Когда-то звался ты «Турбинкой»,
родной завод за пустырем,
и не боялся поединка
с самим насильником-царем.
Шуршат призывные листовки
в тревожной памяти людской,
звучат рабочие маевки
в заветной книге заводской.

Курган! «Курганcельмаш»!
Ты нынче ходишь в званьи ветерана,
но семь десятков лет не дашь
тому, кто радует пейзаж
помолодевшего Кургана!

Отцов сноровка деловая
в задорной юности живет.
За бурным веком поспевая,
ударно трудится завод.
И за уменье огневое,
за спорый труд и бравый вид
все Зауралье трудовое
родной завод благодарит.

Курган! «Курганcельмаш»!
Ты нынче ходишь в званьи ветерана,
но семь десятков лет не дашь
тому, кто радует пейзаж
помолодевшего Кургана!

к богу тогда, когда честно, в страхе божьем, служил своему искусству фокусника, чем теперь, обманным образом напялив на себя личину святого. Раньше он заставлял людей весело смеяться шуткам «Арагоза», а теперь сам насмехается над людьми, выставляя напоказ почтенную бороду и раздутый ореол праведника.

И он стал взращивать в душе план — вернуться к прежней профессии. Сегодня, уходя раньше времени из мечети, он уже утвердился в этом решении. Сейчас он объявит о своем восстании против мечети Абул Риш, против Ом Сайед и ее мамаши!

Стоя лицом к лицу с женой, он теребил и дергал бороду и кричал в гневе:

— Конец! Конец всему! И мечети и этой гнусной бороде!

— Что ты несешь, не пойму...— заговорила пораженная Ом Сайед.

— Я... я говорю, что мне не нужна борода... Разве вырастить бороду — значит быть ближе к богу?

— Ты просто спятил, человек! — закричала Ом Сайед, вскакивая из-за стола. В руке она держала сечку, которой крошила молокейю, и повелительным жестом указывала ему на дверь. Это означало, что ему надлежит без промедления возвратиться к месту служения богу.

Шейх Али задрожал, опустил голову и стал отступать к двери... По улице он шел как во сне. Вдруг увидел человека, которому продал своих кукол. Остановившись, Али поговорил с ним и снова купил у него несколько кукол — актеров и актрис театра «Арагоз».

Проходя через кладбище у мечети, он услышал чьи-то жалобные стоны. Какая-то женщина сидела у могилы и горько плакала. Он спросил, какое у нее горе. Она рассказала, что ее маленький сын страшно болен, умирает и она пришла сюда искать помощи у бога и его пророка.

Шейх Али на минуту задумался. Затем ему пришла в голову мысль: до сих пор он в мечети обманывал людей наигранной святостью и амулетами; а не лучше бы было попытаться утешить хотя бы одну эту женщину, развеселив ее искренней игрой вот этих дорогих его сердцу кукол?

И он стал разыгрывать перед женщиной отрывки из старых арагозских пьесок, прямо здесь, на кладбище при мечети. Женщина не могла прийти в себя от испуга и изумления. Но потом она стала вслушиваться, и даже что-то вроде улыбки родилось на ее измученном лице. И вдруг ей показалось, что какой-то свет словно озаряет кладбище и она слышит голос своего мальчика, зовущего ее издалека. Она вскочила и побежала домой. Там она увидела, что малышу как будто полегчало, и сердце ее наполнилось надеждой.

Слух об этом удивительном происшествии с простой женщиной, о чуде, совершенном Шейхом Али, молниеносно распространился по всей округе.

С того дня среди населения квартала утвердилось убеждение, что у блаженного служителя мечети Абул Риш не случайно очутились эти куклы и что, пожалуй, это к добру, если он будет благословлять и утешать людей с помощью этих кукол.

Так Шейх Али пришел к новому решению — не уходить из мечети. Ему стало нравиться совершать богослужения на свой собственный лад — это возвращало его к любимому искусству. А прихожане, те позволяли Али делать с его куклами все, что ему заблагорассудится. Они даже огорчались, когда он иногда переставал это делать, ибо уверовали, что с помощью кукол он призывает на них благодать божью. Правда, многие из них говорили, что Шейх Али просто с ума спятил; но другие отвечали им, что именно такой вид сумасшествия — дело обычное и даже естественное для святых, пророков и прочих служителей бога.

Самого же Шейха Али нисколько не заботило, считают ли его прихожане полоумным или нет,— ведь он делал то, что доставляло ему радость. Оставалось только одно: спросить у самого бога, кто к нему ближе — продувной благочестивый святоша или честный, насмешливый лицедей...

Перевел с английского Л. Чернявский.

ДЕЛАКРУА

«Все великие живописцы использовали и рисунок и цвет сообразно со своими склонностями, и это сообщало их творениям то высшее качество, о котором умалчивают все живописные школы и которому они не могут научить: поэзию формы и цвета... Каждому таланту природа дарует своего рода талисман; я сравнил бы его со сплавом, состоящим из тысячи драгоценных металлов и издающим пленительный или грозный звон в зависимости от различных пропорций содержащихся в нем элементов».

Делакруа.

«Что такое поэзия? Ощущение предшествовавшего мира и мира будущего».

Байрон.

Игорь **ДОЛГОПОЛОВ**

Этот вечер в одном из классов парижской Школы изящных искусств начинался весьма банально. Неспешно собирались ученики. Великовозрастные седобородые дяди и легкомысленные дерзкие мальчишки, ленивые и прилежные. Остроумцы и жертвы насмешек. Талантливые и бездарные... Ждали модель. Шумели. Спели модную песенку... Наконец пришел господин Синьоль — преподаватель. Дружно заскрипели грифели карандашей, углей, сангины. Шел урок рисунка. Маститый Синьоль важно, не торопясь, подобно мохнатому шмелю, обходил, нет, облетал, подопечные пестрые цветы искусства — своих учеников. Было очень тихо. Лишь зевок натурщицы, шелест бумаги да еле слышное солидное гудение метра Синьоля нарушало покой. Но вдруг мир был взорван. Это случилось у высокого окна, в углу мастерской возле мольберта, за которым работал маленький, сухощавый, внешне робкий Огюст Ренуар.

Синьоль заметил стоявший у стенки этюд Ренуара, принесенный в класс. Это был небольшой холст, живо и ярко написанный молодым художником.

— Не вздумайте стать новым Делакруа! — возопил в ярости Синьоль, взбешенный колоритом этюда. Он вмиг потерял маску респектабельности. Багровый, потный, он гремел подобно Зевсу, сотрясая подведомственный ему миниатюрный Олимп.

Ренуар молчал.

Это было в 1863 году. В том самом году, когда скончается виновник скандала в Школе изящных искусств — великий Делакруа. Он был стар. Ему минуло шестьдесят пять лет, и недуги омрачали его закат. Но даже больной и немощный, он был ненавистен рутинерам. Такова логика истории искусств.

Делакруа... Гордость Франции. Один из крупнейших живописцев всех времен и народов. Лидер романтизма — движения в литературе, музыке, живописи, охватившего двадцатые годы XIX века...

Покинем взбаламученную атмосферу скромного класса Школы изящных искусств. Оставим разгневанного господина Синьоля и перенесемся в эти далекие годы начала XIX века.

...Отгремело Ватерлоо. Последний раз сотрясли Европу сто дней, и Наполеон стал персонажем истории. Воцарились Бурбоны. Ничтожные, недалекие... Наступили недобрые дни реакции. Франция, растоптанная и униженная, переживала катастрофу падения.

В искусстве классицизм сошел с победных котурнов и оказался несостоятельным ответить на бурю, сотрясшую умы и сердца. Застывшая античная маска и искаженное отчаяньем и надеждой лицо народа — слишком явственна была нелепость старых рамок в живописи. В горниле кипений высоких поэтических чувств, полных ощущения драматизма эпохи, родилось новое движение искусства — р о м а н т и з м.

Мало кто знает, что само слово «романтизм» впервые появилось в некрологе, написанном на смерть Теодора Жерико. Он прожил всего тридцать два года, но его полотно «Плот «Медузы» стало поистине манифестом, н о в ы м с л о в о м в мировом искусстве.

Париж 1819 года. Мастерская Теодора Жерико. На мольберте семиметровая громадина.

«Плот «Медузы»... Горстка экипажа погибшего фрегата. Живые и мертвые — рядом... Хаос беды. Одиночество. Голод. Отчаяние, надежда. Уныние, страх перед лицом бушующей стихии. В каком-то, поистине дантовском озарении писал Жерико этот холст. Как в микеланджеловском «Страшном суде», сплелись в последнем неистовом напряжении тела людей. Рембрандтовский, суровый свет озаряет зловещий рубеж бытия, за которым одно — смерть!

Ревет океан. Стонет парус. Звенят канаты. Трещит утлый плот. Ветер гонит водяные горы. Рвет в клочья черные тучи. Бросает в лицо несчастным обрывки седой пены.

— Не сама ли это Франция, потерпевшая катастрофу, но не потерявшая надежды, гонимая бурей истории? Не символ ли это грандиозное полотно? — подумал молодой Эжен Делакруа, стоя у картины. Эжен был не первый раз в мастерской Жерико, который уже давно опекал юного художника, Теодор написал превосходный портрет молодого Делакруа.

Долго стоял Эжен у этого гигантского творения своего друга. Слезы застилали ему глаза, так волновал его каждый образ, каждый удар кисти. Это была вершина мастерства! Невероятный взлет. Шедевр!

Пройдет много лет, и Делакруа расскажет, как он, не помня себя, не прощаясь, выскочил из мастерской и в невероятном возбуждении мчался, как безумный, по улицам Парижа.

Он выбежал на набережную Сены. Прошел дождь. Вечерело. От мокрой мостовой поднимался пар. Влажный ветер принес свежий аромат листвы каштанов. Запах юности. Багровое солнце разбилось на тысячу осколков в окнах старых домов. Промчавшаяся карета чуть не сбила Эжена с ног. Вдруг звонкий смех вернул молодого художника на землю. Он стоял посреди тротуара, заставленного стульями. Почтенные буржуа восседали на этих маленьких тронах своего миниатюрного благополучия... Смех сотрясал эту добрую компанию.

— Чудак! Он хотел сшибить карету.— Взрыв смеха перекрыл конец фразы.

Заря окрасила пурпуром рваные облака. Позолотила шпиль Нотр-Дам. Широкой кистью мазнула пунцовым колером по водной глади Сены. Обозначила густым фиолетовым цветом бессчетные крыши Парижа, увенчанные тысячами труб. Зажглись фонари. Слышнее стали цокот копыт, ржание лошадей, скрип карет. Глубокие черные тени легли под могучими кронами огромных каштанов. Загорелись огни кафе. Из растворенных дверей неслись звуки музыки. Ночной Париж начинал раскручивать свою фривольную и немного грустную карусель. Делакруа спешил. Его слуха не достигали бравурные звуки песенок, не останавливали зазывные туалеты встречных женщин. Его не чаровал пестрый калейдоскоп чародея Города, великого и жалкого в своем ежедневном обязательном маскараде.

Он явственно слышал, как стонет океан, ревет ветер, терзая жалкий парус, как скрежещут бревна плота «Медузы». Перед его взором неотступно метались громады волн. Он видел смятенных, раздавленных ужасом людей. Такова была магия кисти Жерико!

— Как далеки от жизни бесконечные сцены из истории Древней Греции и Рима, которыми услаждают взор буржуазных зрителей Салона художники из лагеря «классиков»... Как фальшивы и ходульны блестяще выписанные холсты, изображающие некую подслащенную античность,— почти прокричал Эжен.— Хватит лакированных пустышек. Надо потрясти сытых зевак!

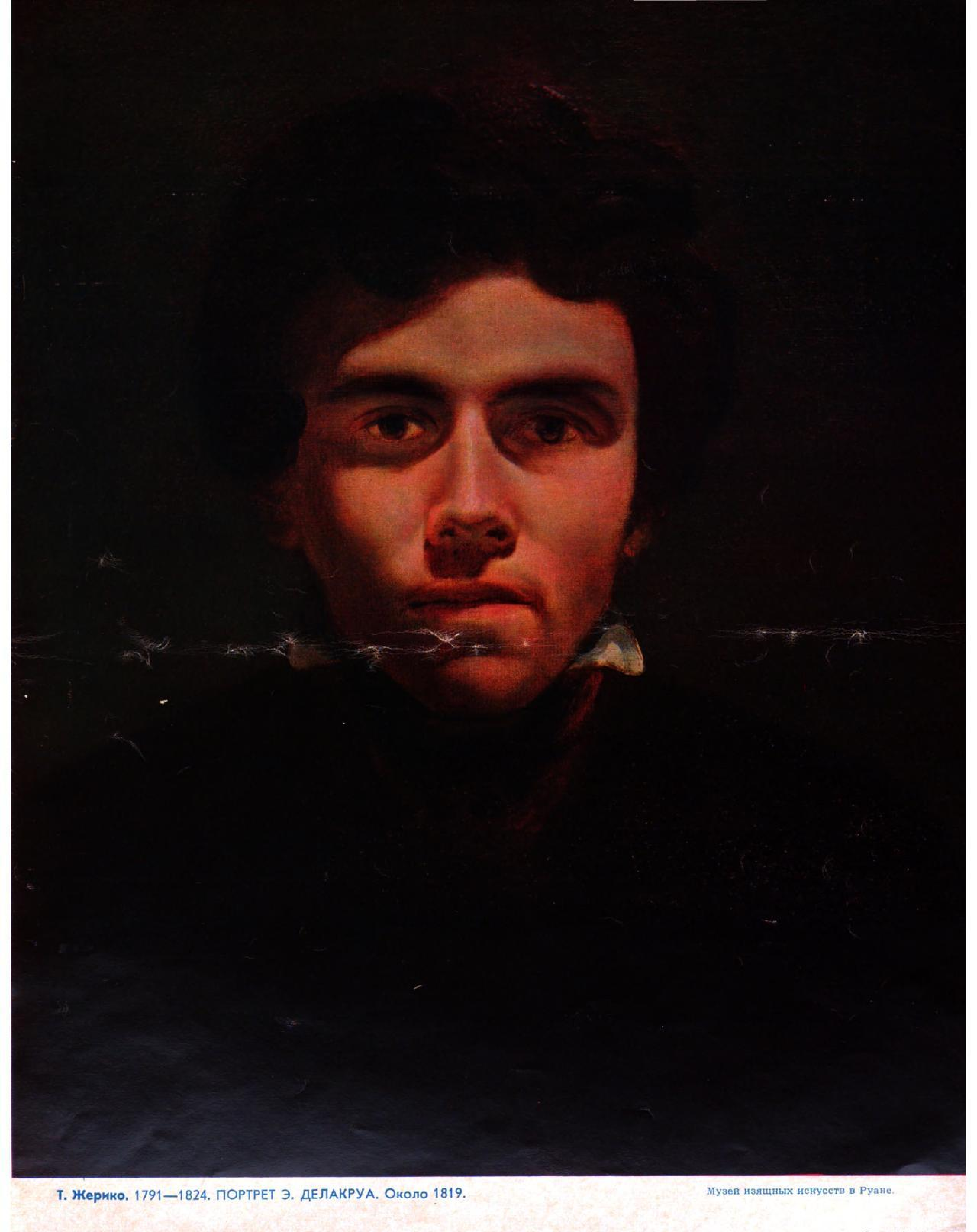
...Мастерская... Полумрак... Одинокая свеча вырвала из тьмы усталое, осунувшееся лицо двадцатилетнего художника.

— Ах зеркало! Как ты беспощадно! Опять этот бесконечно ординарный курносый нос. Некрасивое смуглое лицо. Пухлый, безвольный рот. Резко очерченный подбородок. Мягкий овал. Есть ли у меня характер? Хватит ли сил?

Приподняты вопросительно брови. Внимательно, зорко глядят глубоко запавшие, чуть печальные глаза.

Откровением звучат строки из его «Дневника»:

«Каким слабым, уязвимым, открытым со всех сторон для нападения чувствую я себя, находясь среди всех этих людей, которые не скажут ни одного случайного слова и всегда готовы осуществить сказанное на деле!.. Но есть ли такие на самом деле? Ведь и меня часто принимали за твердого человека! Маска — это все...



Т. Жерико. 1791—1824. ПОРТРЕТ Э. ДЕЛАКРУА. Около 1819.

Музей изящных искусств в Руане.

Э. Делакруа. 1798—1863. ЛАДЬЯ ДАНТЕ. 1822.

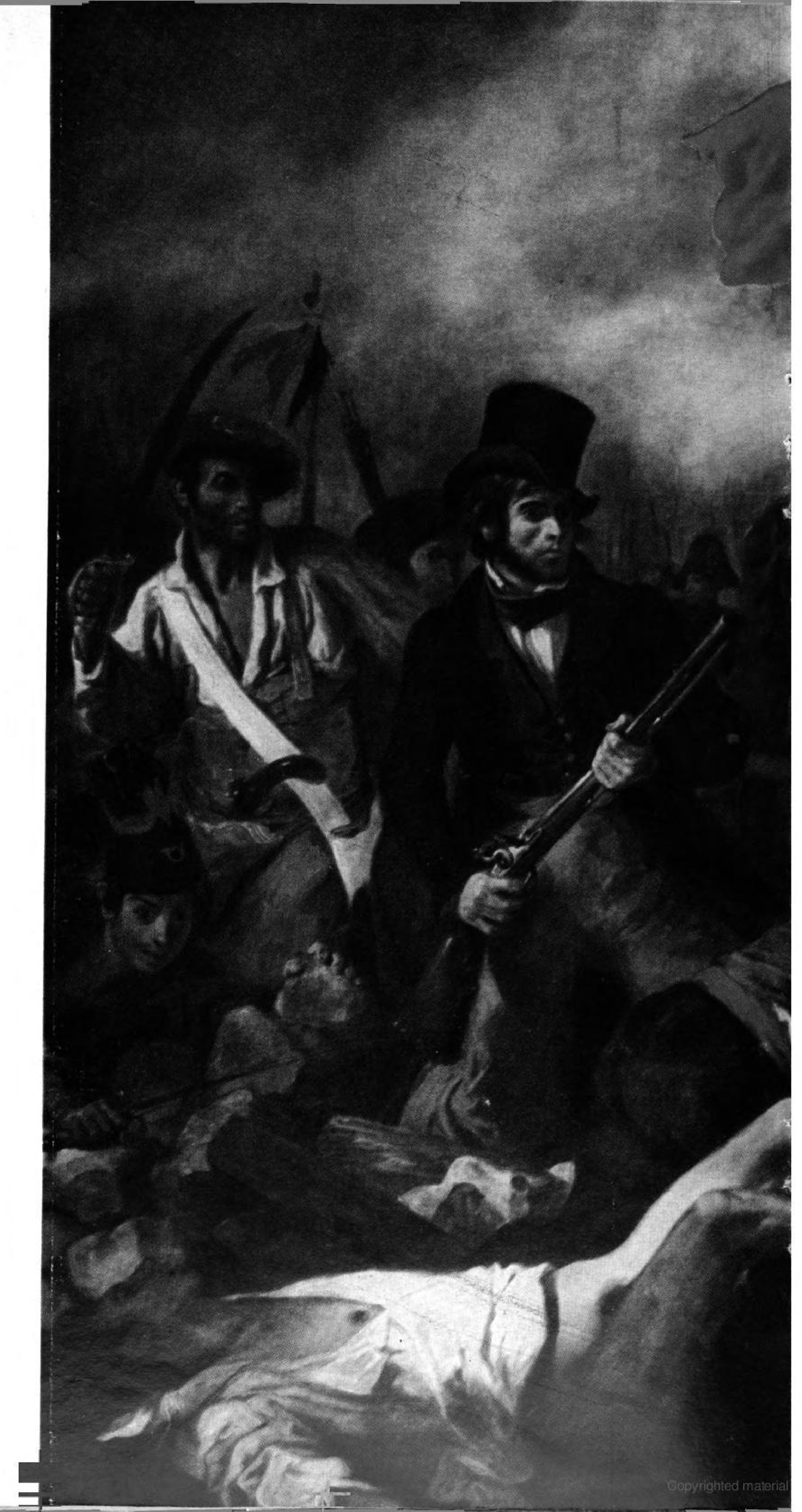
Париж. Лувр.

Э. Делакруа. ГРЕЦИЯ НА РАЗВАЛИНАХ МИССОЛУНГИ. 1827.

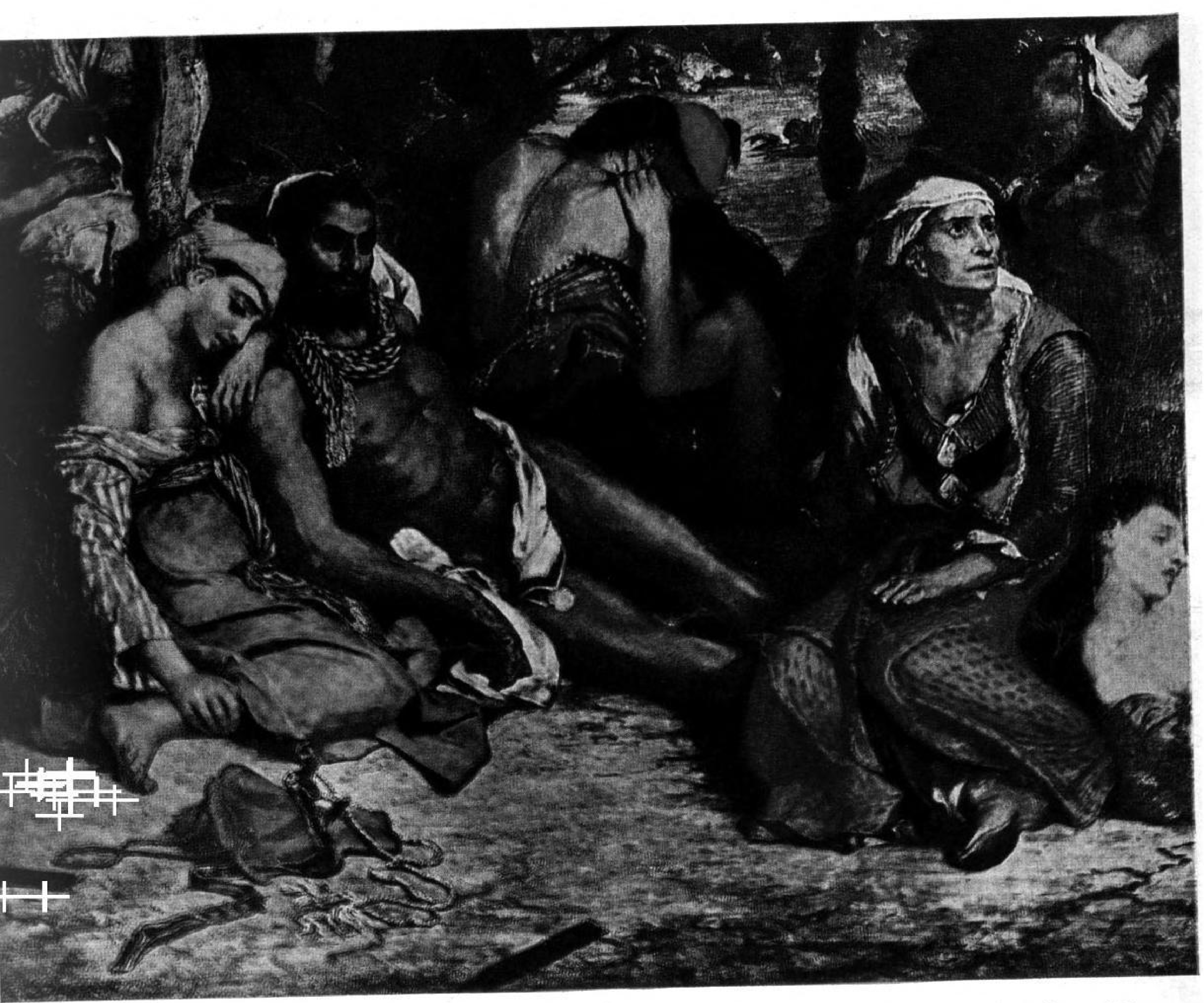
Бордо. Музей.

Э. Делакруа.

СВОБОДА, ВЕДУЩАЯ НАРОД. 1830.



Париж. Лувр.



Париж. Лувр.

Э. Делакруа. РЕЗНЯ НА ХИОСЕ (фрагмент). 1824.

Э. Делакруа. ОХОТА НА ЛЬВОВ. 1855. Бордо. Музей.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ ДОН-ЖУАНА. 1840. Париж. Лувр.

Э. Делакруа. КОМЕДИАНТЫ. 1848. (Фрагмент). Музей в Туре.

...Это одно из величайших несчастий — никогда не быть до конца понятым и почувствованным... Когда я об этом думаю, мне кажется, что в этом именно и состоит неизлечимая рана жизни: она — в неизбежном одиночестве, на которое осуждено сердце...»

Становление характера. Процесс кристаллизации таланта. Как бесконечно сложен и труден этот цикл духовного возмужания, который дано пройти лишь очень немногим. Как проникнуть в тайну рождения шедевра?

Как определить заряд энергии, способный создать новое слово, новую красоту в искусстве?

Пробили часы... Полночь. Измученный Делакруа открывает том любимого Данте. В дрожащем свете догорающей свечи с бессмертных страниц перед Эженом встают картины Ада. Он видит великих Вергилия и Данте, переправляющихся в ладье через мрачную реку Стикс. Он ощущает ледяные порывы ветра. Зловещие зарницы озаряют руины горящего адского города.

— «Божественная комедия»,— подумал Делакруа,— это ты одна, пожалуй, способна расшевелить покой буржуазного Салона. Пусть привыкшая к пошлым академическим опусам и анекдотическим жанрам, к комплиментарным парадным портретам публика увидит сам Ад и содрогнется от тревоги за свою судьбу, погрязшую в делячестве и подлостях.

Надо, чтобы привычные к картинам-цукатам зрители вкусили горечь дантовских терцин, воплощенных в живописи. Может быть, уставшая от эпикурейских услад светская чернь узнает себя в корчащихся от смертельных адских мук фигурах грешников, окружающих ладью... Пусть великие образы поэтов напомнят этим зевакам о другом, более высоком призвании Человека!

Эжен закрывает книгу Данте. Светает. Впереди дни забот и труда.

Школа Герена... Натура и еще раз натура. Труд, труд неустанный. А затем Лувр, и еще, и еще раз Лувр. Рубенс и Рембрандт, Тинторетто, Веронезе, Тициан... Копии, бесконечные копии. Скрупулезное изучение тайн ремесла. Школа и еще раз школа. Делакруа отлично знает, что все колдовство живописи в раскованности мастерства, в умении пластически выразить любую крылатую мысль, любую высокую идею... И молодой художник работает по 10—12 часов в сутки.

Вот страничка «Дневника», написанная в последние годы жизни стареющим Делакруа. В ней звучит радость труда, любви к искусству.

«Мастерская совершенно пуста. Поверят ли мне? Место, где я был окружен множеством картин, которые радовали меня своим разнообразием и каждой вещью будило во мне какое-нибудь воспоминание или чувство, теперь нравится мне своим запустением. Кажется, что мастерская вдвое увеличилась. У меня всего-навсего полдюжины маленьких картин, которые я с удовольствием заканчиваю. Едва встав с постели, я спешу в мастерскую; там остаюсь до самого вечера, ни минуты не скучая, нисколько не сожалея об удовольствиях, визитах или о том, что называют развлечениями. Мое честолюбие ограничило себя этими стенами. Я наслаждаюсь последними мгновениями, которые у меня еще остаются, чтобы провести их в этой мастерской, которая видела меня столько лет и где прошла большая часть моей поздней молодости. Я потому так говорю о себе, что, несмотря на мои уже преклонные лета, мое воображение сохраняет еще в себе нечто, позволяющее мне чувствовать движения, порывы, стремления, носящие на себе печать лучших лет жизни».

Делакруа всегда помнит слова великого Микеланджело: «Живопись — это ревнивая любовница, она требует всего человека...»

...1822 год. Делакруа выставляет в Салоне «Ладью Данте».

«Чтобы лучше представить ошеломляющее впечатление дебюта Делакруа,— писал впоследствии Теофиль Готье,— надо вспомнить, какой ничтожной и тусклой сделалась в конце концов... псевдоклассическая школа, далекий отблеск Давида. Метеор, упавший в болото посреди пламени, дыма и грохота, не вызвал бы большего смятения в хоре лягушек».

Были и иные мнения. Но одно было ясно: это была победа!

А как же Жерико, благородный друг и покровитель Делакруа?

У холста «Ладья Данте» один из друзей Жерико, желая подчеркнуть приоритет автора «Плота «Медузы», сказал ему, что едва ли молодой мастер проявил бы такую смелость в композиции и колорите, не имей он перед глазами опыт создания «Плота «Медузы».

— Может быть,— решительно ответил Жерико,— но я сам охотно подписал бы эту картину.

Это было высшее признание!

Одна из рецензий была предельно категорична: «Ни одна картина, по-моему, не предвещает так явно великого живописца, как полотно г. Делакруа, изображающее Данте и Вергилия в аду. Именно здесь обнаруживается тот взлет таланта, тот порыв рождающегося превосходства, которые оживляют надежды, угасшие было перед полной заурядностью всего остального... Мне думается, я не заблуждаюсь — г. Делакруа наделен гениальностью...»

А что наш триумфатор? Как реагирует он на этот поток похвал и мелких щипков?

Делакруа есть Делакруа!

Вот первая запись в «Дневнике» — 3 сентября 1822 года, в которой, как в зеркале, отражена чистая и светлая душа художника — мечтательная и честная:

«Луру, вторник, 3 сентября.

Я живу у брата. Только что на башенных часах Луру пробило то ли девять, то ли десять часов вечера. Я посидел минут пять в лунном свете, на маленькой скамье у моей двери, чтобы сосредоточиться. Но хотя я и чувствую себя сегодня счастливым, во мне нет ощущений вчерашнего вечера. Светила полная луна. Сидя на скамье, возле дома брата, я пережил чудесные часы...

В воскресенье я получил письмо от Феликса, в котором он мне сообщает, что моя картина помещена в Люксембургском дворце. Сегодня уже вторник, а я еще весь полон этим; сознаюсь, что это дает большое удовлетворение и что каждый раз, как я об этом вспоминаю, мои дни окрашиваются радостью. Это главное, о чем я думаю теперь и что усилило во мне желание вернуться в Париж, где я, вероятно, не найду ничего, кроме скрытой зависти и быстрого пресыщения тем, что является сейчас моим триумфом; но я не встречу там Лизетты, подобной здешней, ни покоя, ни лунного света, которым я здесь дышу».

«Дневник»... Сорок с лишним лет, до последнего смертного часа Делакруа ведет доверительную беседу с самим собою. Встречи с интереснейшими людьми эпохи. Мысли о музыке, живописи, литературе... Само время предстает перед нами. Но напрасно мы будем искать в «Дневнике» крутые биографические повороты. Вся жизнь Делакруа отдана искусству. Только ему. Безраздельно!

Трудно рассказать о творческом пути Делакруа... Тысяча живописных полотен. Около семи тысяч рисунков. Более полутора тысяч пастелей и акварелей, несколько серий литографий. Шесть огромных циклов монументальных росписей. Таково гигантское наследие, оставленное художником за почти полувековой творческий путь. Но есть вехи, которые определяют дальнейшее движение художника...

1824 год. Греция. Миссолунги. Здесь 19 апреля скончался великий Байрон. Романтик. Боец.

В эти скорбные дни в Париже Делакруа в Салоне показывает новый холст «Резня на Хиосе» как памятник, реквием поэту — борцу за свободу Греции.

Стендаль писал: «Мы живем накануне переворота в искусстве».

«Резня на Хиосе» Делакруа была бомбой, взорвавшей Салон. Яростно, с небывалой силой написал художник это полотно, названное врагами из стана классиков «резней живописи».

Сама неприкрытая правда — страшная, жестокая, глядела на притихших зрителей Салона. Страдания порабощенного народа. Ужас войны. Все, чем жила в те дни прогрессивная Европа, читая ежедневно в газетах о драматических событиях на земле Эллады, все это сказал Эжен Делакруа.

«Не жажда нового волнует умы, а потребность в правде, и потребность эта огромна»,— говорил Гюго, защищая произведения романтиков от злобных выпадов консерваторов.

1824 год. Еще одна невосполнимая утрата. Умер Жерико... Делакруа становится лидером «Новой школы». Он верен заветам своего гениального друга.

Нельзя без волнения читать эти строки «Дневника»:

«Видел маску, снятую с моего бедного Жерико. О священное изображение! Мне хотелось поцеловать его. Его бороду, ресницы... А его необычайный Плот! Какие руки! Какие головы! Я не в силах выразить восторг, который он во мне вызывает».

Шли годы. Одна за одной появлялись новые картины Делакруа. Лишь 1826—1827 годами помечены полотна «Казнь дожа Марино Фальеро», «Греция на развалинах Миссолунги», «Смерть Сарданапала».

Однако ни почетная обязанность быть лидером нового движения, ни блистательные композиции, ставшие ныне украшением музеев нашей планеты, не спасали Делакруа от хулы и злобы реакционеров и рутинеров той далекой эпохи.

«Художника поносили такими ругательствами, что для вора или убийцы нельзя было бы подыскать более грубых и позорных... Это был варвар, маньяк, бешеный, полоумный...» — вспоминает позднее Теофиль Готье.

И хотя, как говорится, брань на вороту не виснет, но официальные силы решили приостановить, обуздать не в меру, как им казалось, вольнолюбивого художника.

Министр изящных искусств Состен де Ларошфуко соизволил вызвать к себе крамольного мастера и милостивейше объявил ему, что тот не может рассчитывать ни на какие государственные заказы, пока не изменит своей манеры. Власть предержащие были верны своему слову. Должен был грянуть гром Июльской революции 1830 года, чтобы Делакруа перестал быть изгоем.

Удивляться было нечему, ведь известный душитель свободы Тьер сказал как-то: «Знаем мы этих романтиков — сегодня он романтик, а завтра революционер».

Не правда ли, сильно сказано?

1830 год. Июльская революция свершилась! Набат Сент-Антуана — грозный голос предместья Парижа грянул первым. Все колокольни столицы Франции ответили на этот зов. Восстание началось. Казалось, сам воздух звенел, истерзанный ядрами и картечью. Раскаленные июльские дни. Ружейные залпы. Яростные крики сражающихся... Стоны раненых. Марсельеза.

«Священные дни парижского Июля! — восклицает Генрих Гейне.— Вы всегда будете свидетельствовать о врожденном благородстве человека, которое вовеки не удастся искоренить. Тот, кто пережил вас, не рыдает больше над старыми могилами, но полон радостной веры в воскресение народов. Священные дни Июля! Как прекрасно было солнце, как велик был народ парижский!»

«Самым интересным временем нашего века» назвал А. С. Пушкин революционный переворот в Париже, он открыто радовался ему и охотно делился со своими петербургскими друзьями свежими новостями, что было, как известно, весьма небезопасно...

«Я приступил к картине на современный сюжет — «Баррикада»,— писал брату Делакруа.— Если я не сражался за свободу отечества, то по крайней мере буду делать живопись в его честь!»

«Свобода на баррикадах. 28 июля 1830 год» — так назвал свой холст художник. Это был небывалый в истории искусства грандиозный репортаж о свершившемся... Апофеоз французской революции. Радостный гимн Победе.

Баррикады. Срубленные вековые деревья парижских бульваров, поваленные фонари, перевернутые кареты, древний булыжник, вывернутый из мостовых,— вот славный пьедестал Революции.

Последний штурм. Ослепительный полдень, залитый жаркими лучами солнца. Звенит набат. Рокочут пушки. Клубятся облака порохового дыма. Вольный ветер развевает трехцветное республиканское знамя. Его высоко подъяла ввысь величественная женщина во фригийском колпаке. Она зовет восставших в атаку. Ей незнаком страх. Это сама Франция, призывающая своих сынов к правой битве. Свистят пули. Рвется картечь. Стонут раненые. Но непреклонны бойцы «трех славных дней» — парижский гамен, дерзкий, юный, что-то гневно кричащий в лицо врагу, в лихо надвинутом берете с двумя огромными пистолетами в руках. Рабочий в блузе с опаленным боями, мужественным лицом. Молодой человек в цилиндре и черной паре — студент, взявший оружие.

Смерть рядом. Безжалостные лучи солнца скользнули по золоту сбитого кивера. Отметили провалы глаз, полураскрытый рот убитого солдата. Блеснули на белом эполете. Обрисовали жилистые голые ноги, залитую кровью рваную рубаху, лежащего бойца. Ярко сверкнули на кумачовом кушаке раненого, на его розовой косынке, восторженно взирающего на живую Свободу, ведущую его братьев к Победе.

Поют колокола. Грохочет бой. Яростно звучат голоса сражающихся. Великая симфония Революции радостно рокочет в полотне Делакруа. Все ликование раскованной силы. Народный гнев и любовь. Вся святая ненависть к поработителям!

Живописец вложил свою душу, молодой жар сердца в этот холст. Звучат алые, пунцовые, багряные, пурпурные, красные цвета, и согласно вторят им голубые, синие, лазурные колера, сочетаясь с яркими ударами белого. Синий, белый, красный — цвета стяга новой Франции — ключ колорита картины. Мощна, энергична лепка полотна. Полны экспрессии, динамики фигуры героев. Незабываем образ Свободы.

Делакруа создал шедевр!

Живописец соединил, казалось, невозможное,— протокольную реальность репортажа с возвышенной тканью романтической, поэтической аллегории.

Колдовская кисть художника заставляет нас поверить в реальность чуда — ведь сама Свобода стала плечом к плечу с восставшими. Эта картина — поистине симфоническая поэма, воспевающая Революцию.

Делакруа показал свое полотно в Салоне 1831 года. Казалось, что этот, ныне ставший хрестоматийным холст — одно из самых популярных произведений в мировом искусстве — вызовет всеобщий восторг и признание, тем более что Революция вызвала у многих бывших противников Делакруа чувства братства и дружелюбия.

Вот что писал после июльских событий один из основных противников Делакруа — Жан Доминик Энгр одному из своих соратников:

«Революция свершилась, закончилась, все стало на свое место, всюду порядок! Слава тем людям, чьи сердца полны самого чистого патриотизма в трудные минуты, людям, которым сопутствует мудрый и человечный народ, столь великий в своей победе. Обнимемся, мой дорогой друг! Я убежден, что нет ни одной подробности в этом великом событии, которая не вызвала бы на глаза слез».

Однако не будем наивны.

Отзвучали залпы. Затихли бои. Спета «Марсельеза». Изгнаны ненавистные Бурбоны. Наступили будни. И снова разгорелись страсти на живописном Олимпе. И снова мы читаем слова, полные грубости, ненависти. Особенно постыдны оценки фигуры самой Свободы: «Эта «девка», «мерзавка, сбежавшая из тюрьмы Сен-Лазар».

«Неужели в эти славные дни на улицах была одна только чернь?» — вопрошает другой эстет из лагеря салонных лицедеев. И этого пафоса отрицания шедевра Делакруа, этого бешенства «академистов» хватит еще надолго. Кстати, вспомним маститого Синьоля из Школы изящных искусств.

Максим Декан, потеряв всякую сдержанность, писал: «Ах, если Свобода такова, если это девка с босыми ногами и голой грудью, которая бежит, крича и размахивая ружьем, она нам не нужна, нам нечего делать с этой постыдной мегерой!»

Прошло почти полтора века. Срок немалый. Сегодня «Свобода на баррикадах» — гордость Франции, жемчужина Лувра. Мы имели счастье видеть это полотно на выставке произведений французских романтиков, которая была экспонирована в Москве, в Музее изобразительных искусств.

Сотни тысяч людей с восторгом любовались мощью кисти Делакруа, донесшего к нам через долгие годы пафос и поэзию тех далеких дней.

...Но вернемся вновь во Францию середины прошлого века.

1855 год. Зенит славы Делакруа. Париж. Дворец изящных искусств. Здесь открыта грандиозная Всемирная выставка. В центральном зале экспозиции тридцать пять шедевров великого романтика.

Наконец любители искусства услышали полный голос художника, во всей его мощи. Перед ними был весь путь мастера, с самых первых его картин. Зрители вновь вместе с Данте и Вергилием ощутили леденящий жар Ада. Их слуха достигли стоны несчастных жертв «Резни на Хиосе». Парижская публика через два с половиной десятилетия вновь увидела баррикады 1830 года. В роскошных залах выставки звучала «Марсельеза», гремел набат.

Делакруа заставил звучать в своих холстах всю клавиатуру палитры. Весь диапазон радуги Земли. Волшебная кисть художника вызвала небывалые до него сочетания красок. Но в то же время мастеру удалось вернуть живописи XIX века, засушенной «классиками», всю полнокровную звучность полотен венецианских чародеев.

Это был триумф романтизма! Симфоническая широта, богатство колеров алжирских и марокканских мотивов сочетались с буйной яростью охотничьих сцен, в которых в фантастических ракурсах сплетались люди, львы, тигры, кони. Все это поражало темпераментом, динамикой цвета.

Рядом с холстами Делакруа картины высокомерного Энгра и его школы выглядели сухо и статично.

Еще более разительный контраст представляли собою полотна салонных корифеев. Их не спасала шикарная деталировка, лакированная выписанность, предельная иллюзорность.

Успех Делакруа, успех романтизма был неоспорим! Все же большинство медалей и премий выставки досталось лидерам буржуазного салона — художникам банальным, писавшим ходульные картины, потакавшим самым непритязательным вкусам. Это были Жером, Кабанель, Леман... Фигуры менее чем средние. Такова порою необъяснимая логика истории искусства!

Милле не получил никакой награды. Также никак не был отмечен Гюстав Курбе, который в знак протеста построил напротив Дворца искусств свой «Павильон реализма». Пятьдесят работ — новое слово в искусстве — представил вождь нового движения на суд истории.

В один из будничных дней, когда «Павильон реализма» пустовал, ибо парижские зеваки и любители шикарных салонных мотивов не жаловали эту экспозицию, в совершенно пустом огромном зале одиноко бродит пожилой человек, сдержанный, немного холодный. В строгой черной паре. Большая упрямая голова. Темные густые волосы обрамляют квадратный лоб. Курносый вздернутый нос. Седеющие усы коротко подстрижены. Жесткая несгибаемая линия губ с горькими морщинами у краев. Непреклонный подбородок. Глаза острые, молодые, настороженные. Бровь вопросительно поднята. «Что вам угодно, милостивый государь?» — как будто вопрошает взгляд.

Это Эжен Делакруа. Герой Всемирной выставки, устав от шума и надоедливого внимания, решил посетить выставку мятежного Курбе. Ровно час бродил он по пустым залам. Один.

Его окружала жизнь простого народа Франции. Каменотесы, крестьяне, земляки Курбе глядели на него с полотен. Его картины, честные, порою грубоватые, написанные твердой и мощной кистью, поражали внутренней экспрессией и полновесностью формы. Это был р е а л и з м. Н о в о е с л о в о в искусстве.

Вот что записал в «Дневнике» Делакруа:

«...Картина, которая не была принята в Салон, представляет собой шедевр: я не мог оторваться от нее. Он сделал гигантские успехи, а ведь он заставил когда-то меня восхищаться своим «Погребением». В ней есть великолепные куски... В последней же работе, «Мастерская», планы хорошо переданы, есть воздух и есть части, прекрасно написанные... Отказавшись принять эту вещь, отвергли одно из самых своеобразных произведений нашего времени. Но этакого молодца такими пустяками не проймешь!

Обедал во дворце Индустрии с Мерсэ и Мериме; первый сходится со мной во взглядах на Курбе; второй не любит Микеланджело!»

Великолепный пример широты взглядов и честности. Можно представить себе, как высоко ставил Делакруа Курбе, если в споре о его искусстве с Мериме в разговоре появляется фигура Микеланджело.

Новатор Делакруа превосходно чувствовал новую правду, новое движение в искусстве и горячо поддерживал их. Его мастерская всегда была открыта молодежи. Он выступал в защиту Мане, Курбе на художественных советах Салона, где он сражался с рутинерами и консерваторами.

Таков был «старый лев романтизма».

В 1864 году, спустя год после смерти Делакруа, в салоне появился холст со знаменательным названием: «Апофеоз Делакруа», где вокруг портрета скончавшегося художника собрались Эдуард Мане, Шарль Бодлер, Уистлер, Фантен-Латур... Почитатели его таланта.

Мы мысленно можем причислить к ним Ренуара, Дега, Сезанна, также чтивших великого романтика.

* * *

Эжен Делакруа... Это, пожалуй, одна из наиболее крупных, ренессансных фигур в искусстве XIX века. Необъятен его вклад в развитие мировой культуры.

Стасов оценивал Делакруа как «наиважнейшего революционера и начинателя» в области колорита, в разработке гармонических законов цветописи. Творчество великого французского романтика оказало влияние на нашу отечественную живопись. Репин писал, что «по блеску и силе красок он сделал смелый шаг вперед...» И этот шаг, как нам известно, нашел свое отражение в замечательном творчестве французских импрессионистов.

«Композитором в живописи» назвал Делакруа наш великий Суриков. И он был бесконечно прав. Пожалуй, никто в прошлом веке не отдал столько таланта, труда и сил разработке композиции и музыкальности живописи. Ведь в его полотнах мы всегда ощущаем великолепный чеканный ритм и гармонию, присущие музыке.

Но, пожалуй, лучше всех сказал об этом удивительном качестве живописи сам Делакруа:

«Искусство — значит поэзия. Без поэзии не может быть искусства. Картина доставляет нам удовольствие иного рода, чем то, которое мы получаем от литературного произведения.

Живопись вызывает совершенно особые эмоции, которые не может вызвать никакое другое искусство. Эти впечатления создаются определенным расположением цветов, игрой света и тени — словом, тем, что можно было бы назвать музыкой картины».

ГИМН ПОБЕДИВШИМ И ПОБЕЖДАЮЩИМ

Многие помнят эти небольшие, вышедшие в начале сороковых годов книжки — о А. Барбюсе, о Г. Гейне, о Мартине Андерсене-Нексе... На обложках стояло имя Александра Чаковского, в ту пору критика, литературоведа. Это были хорошие популярные очерки, и публицистический талант их автора с годами развивался и совершенствовался, особенно ярко заявив о себе в последнее время, но как далек сейчас писатель от тех первых своих шагов, как много изменилось ныне в его творческом охвате жизни, как обширна его писательская программа, сколь объемно и многогранно проявилось его дарование!

В годы Великой Отечественной войны Александр Чаковский в рядах Советской Армии. С периодом войны связано его становление как прозаика. На гигантское сражение, на тяжелое испытание, выпавшее на долю народа, Чаковский, долгое время живший в легендарном городе на Неве, а впоследствии военный корреспондент газеты Волховского фронта, откликнулся романом-трилогией «Это было в Ленинграде». После этой трилогии А. Чаковский создал в 40—60-е годы немало произведений, получивших широкую известность: отмеченную Государственной премией СССР повесть «У нас уже утро» (1949), повесть «Год жизни» (1956), роман «Дороги, которые мы выбираем» (1960), повести «Свет далекой звезды» (1962), «Невеста» (1965). В конце шестидесятых годов Александр Чаковский приступает к осуществлению своего давнего замысла: написанию многотомного повествования — романа «Блокада», о героических 900 днях обороны города Ленина.

Книгам Александра Чаковского свойственна идейно-образная целенаправленность, которой писатель постоянно, неотклонимо верен. И, как мне кстати припоминается, Александр Чаковский в довоенные годы студенчества в Литинституте на Тверском бульваре в своих самостоятельных опытах искал некую сосредоточенность интересов, как бы предвосхищая будущую преданность свою образам реальной героики действия, борьбы, созидания.

Многообразная и почти всегда позитивная в отношении к творчеству Чаковского литературная критика при наличии разноречий едина в главном — признании социально-политической важности поднимаемых автором проблем и их художественной и публицистической убедительности в большинстве его произведений. Александр Чаковский — тот тип советского литератора, кто вторгается, как активный участник, в самый процесс социалистического совершенствования жизни.

Каждым своим романом и каждой повестью, как и многочисленными общественно-публицистическими выступлениями, он неустанно, но с должным тактом убежденности внушает читателю партийную правду жизни, оптимистический взгляд на призвание нашего человека быть всегда в «грохоте дел».

«— Разве не в том настоящее величие партии, что она помогает нам и в больших делах и в малых?» — убеждает не только своего собеседника герой повести «Год жизни» Андрей Арефьев. Да, «гладкой дороги нет». Но и не надо обходить трудных преград, когда выбираешь свою дорогу жизни. Наш век не обещает торжества идиллии. Зато как заразительна своей силой очевидной радости картина жизни послевоенного советского Сахалина («У нас уже утро»): «Если непокоренные горы, девственные леса, нетронутые земные недра, суровое море будят в вас дух творчества, созидания, заставляют сильнее биться ваши сердца — тогда к нам, к нам!»

Романтика края — в реальном мире разумного труда его хозяев: «День рождается у нас, мы раньше всех советских людей начинаем свою каждодневную трудовую жизнь».

Но герои Чаковского не только умели пышно говорить о смысле жизни, они своей практикой бытия — со времен военных испытаний — проверялись в прочности своих убеждений.

Дело жизни советского человека — строительство, обновляющее мир,— это и есть основная тема произведений Александра Чаковского. Как это перекликается с восторженной формулой «Дело СССР», некогда высказанной Роменом Ролланом!

Вот почему даже роман об осажденном Ленинграде завершается изображением мужественных трудовых будней восстановления города («Это было в Ленинграде»). Писатель воссоздает, можно сказать, душу города, когда люди, «самые разные по возрасту и характеру, становились энтузиастами».

Автор нашел нужнейшие слова для главной сути подвига ленинградцев, когда говорит о его истоках и усматривает их в «чувстве личной ответственности» за судьбу города, обострившемся «до предела».

Тут читатель с благодарностью к автору будет видеть в трилогии строгие очертания патриотической беззаветности людей, у которых все чувства приходят в их сердца «в чистом виде». Автор уверенно исследовал это вдохновение людей, победивших войну, врагов и воссоздающих мир на родной земле. Все испытания люди переносили «для мира, не для войны». Прекрасные слова, отражающие великие нравственные силы нашего народа!

Нельзя не оценить настойчивого стремления писателя не только «показывать» нравственные свойства дорогих и близких ему по духу людей, но и соотносить достоинства их с общей нравственной атмосферой жизни народа. А эта общая атмосфера порождена нашей социалистической реальностью. Так выковывается коммунистическая мораль и проявляется в коллективе и в отдельной личности. Да и этот процесс очищения человека от коросты старья не протекает мирно, гладко. Процесс обновления жизни требует от передового человека усилий не только ради успешного самовоспитания, но и в целях разоблачения фальшивых, криводушных, эгоистичных «современников». В книгах А. Чаковского, особенно в таких повестях, как «Год жизни», «Свет далекой звезды», «Невеста», не только имеется в виду эта конфликтная ситуация столкновения правды и нравственности строителя с ложью и цинизмом карьеристов и лицемеров. Автор стремится вскрыть за следствиями причину существования в современной советской среде подобных негативных явлений. И сразу видно, что в произведениях Чаковского проблема борьбы за социальное и нравственное здоровье трудового коллектива занимает не формальное место. Пожалуй, самое убедительное движение этой важной темы борьбы с негативными явлениями мы находим в лирическом по тону повествовании — в «Свете далекой звезды».

Не случайна творческая победа автора этой повести. Сам по себе сюжет о поиске любимой женщины после войны обязывает писателя к концентрации духовных сил в образе бывшего майора Завьялова, закалившего свою душу в огне войны, пронесшего и сохранившего в себе чистейшую любовь к Ольге. Образ Завьялова реален, правдив. Прекрасен и образ Ольги, оставшийся в душе любящего человека до конца его дней. Никакого демонизма, никакой мистики, нет и сентиментальности в описании событий и обстоятельств. Повесть пробуждает в нас чувство признательности автору за красивую и строгую правду жизни и чувств нашего современника.

«Блокада» — эпопея зрелого художника, подготовившего себя всем ходом своей литературной и общественной дороги к созданию этой монументальной панорамы обороны Ленинграда. Формально как будто преждевременно ценить незавершенное произведение. Но, по существу, уже с появлением первой книги «Блокада» обсуждается читателями, критиками. На фоне военных повестей и романов, опубликованных за последние три мирных десятилетия, «Блокада» Чаковского — одно из небольшого ряда монументальных произведений. Историзм романа, усиленного внедрением в него большой публицистической дозы суждений, оценок исторических событий и лиц в свете ставших ныне известными документов, придает труду Александра Чаковского особую значимость.

Имя Чаковского всегда связывается с боевой, напористой мыслью, исполненной активного устремления в будущее. Здесь прозаик подкрепляет публициста, журналистика опирается на творческий опыт умелого романиста. Уже в ранних сборниках очерков «Хван Чер стоит на посту» (1951), «Тридцать дней в Париже» (1955) явственно различима сквозная тема, ставшая ныне основой острых, отточенных по форме полемических выступлений писателя-коммуниста,— тема нравственных и общественных идеалов человека. Заслуженным успехом у читателей пользуются путевые записки Александра Чаковского, сделанные им во время посещения ряда зарубежных стран — Японии, Франции, США и др.

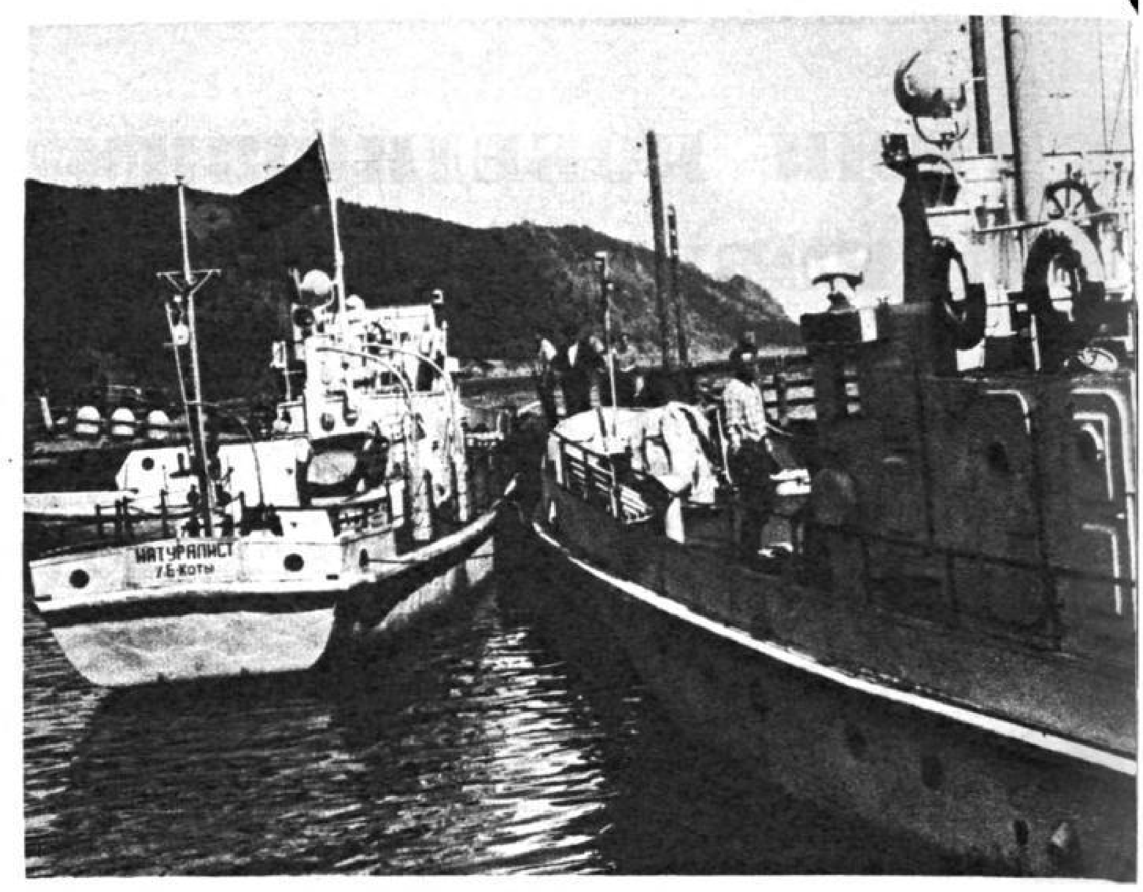
Он страстно заботится о завтрашнем дне молодежи, ее путях в будущее. В многочисленных статьях, не скрывая и не маскируя своих позиций, он сразу вызывает молодого читателя на откровенный разговор, в одном из новых сборников публицистики («Блаженны ли нищие духом?». М., «Молодая гвардия», 1970) писатель заявляет, что хотел бы, чтобы книга о «полемике с зарубежными идеологами современного антикоммунизма» помогла молодежи «пополнить свой боевой арсенал». Он умеет писать увлекательно даже о самых сложных проблемах духовной жизни людей, но нигде не заигрывая с читателем, не опускаясь до упрощенчества.

Даже если быть просто писателем, сделанного очень много, и впереди труд не меньший. Но Александр Борисович Чаковский — это еще и известный своей активностью видный общественный деятель. Вот уже одиннадцать лет он возглавляет коллектив «Литературной газеты» — этого ведущего массового литературного еженедельника страны. Александр Чаковский — секретарь правления Союза писателей СССР, депутат Верховного Совета СССР, член советского Комитета защиты мира.

Такая ноша по плечу далеко не каждому. Отрадно, что Чаковский встречает свое шестидесятилетие в расцвете таланта, в момент подъема творческих сил, активной публицистической и общественной деятельности. Читатели, полюбившие его произведения, высоко ценящие активное вторжение писателя в жизнь, ждут новой книги о ровесниках века — своих современниках, победивших и побеждающих все препоны на пути к сияющим высотам коммунистического мира.

В. СИДОРИН

БАЙКАЛ: ПРОБЛЕМЫ И НАДЕЖДЫ



Научная флотилия в поселке Большие Коты.

Леонид МОНЧИНСКИЙ

Фото автора.

Всего несколько секунд назад машина мчалась в плотном окружении сосен. Неожиданно деревья расступились, и нам навстречу покатились тяжелые волны Байкала — Священного моря Сибири.

Двадцать процентов пресной воды планеты хранит в себе колоссальная каменная чаша. Причем какой воды! Сквозь тридцатиметровую ее толщу видишь каждый камешек, каждую рыбку. Глубина чаши достигает 1 620 метров — таких глубин не знают другие озера мира. Если учесть, что многие страны,— например, ФРГ из Швеции — уже сегодня экспортируют питьевую воду, можно понять, почему Байкал называют не только самым прекрасным, но и самым дорогим украшением земли.

336 рек ежегодно отдают ему 60 кубических километров воды, а вытекает из озера лишь одна Ангара. У ее истока расположились корпуса Лимнологического института Сибирского отделения Академии наук СССР. Институт занимается изучением жизни озера и его обитателей, дает рекомендации по борьбе с загрязнением и рациональному использованию природных ресурсов бассейна.

— Забота о сохранении Байкала, поднятая до государственного масштаба, производит хорошее впечатление,— говорил мне Рассел Трейн, председатель Совета по качеству окружающей среды США.— На нас произвела также впечатление та серьезность и основательность, с которой сотрудники Лимнологического института исследуют проблемы озера.

В дни визита Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты я встретился с директором Калифорнийского института эволюционной экологической биологии профессором Малькольмом С. Гордоном.

— Визит господина Брежнева благотворно повлияет на взаимоотношения советских и американских ученых,— сказал профессор Гордон.— Восемь лет назад, когда я впервые побывал на Байкале, мы беседовали с советскими коллегами, как многоопытные дипломаты: стараясь все узнать и ничего не сказать. Сегодня мы говорим как друзья: обсуждаем возможности совместных исследований глубоководных рыб озера, и есть надежды, что наши планы будут реализованы.

Однако вернемся в Лимнологический институт. В распоряжении его сотрудников не только лаборатории, оборудованные современной аппаратурой, но и целая флотилия судов, носящих имена крупнейших исследователей Байкала: «Верещагин», «Дыбовский», «Академик Обручев», «Кожов». Одно из этих судов — «Дыбовский» — стало нашим домом на все десять дней плавания.

Выходим на рассвете. Сиреневые горы, словно нарисованные на голубом холсте неба, и бесконечная водная гладь, розоватая у горизонта. Сегодня Байкал спокоен. Но я помню его другим: неистовым и страшным. Как взбесившиеся кони, вставали на дыбы волны, и великаны-кедры падали ниц, не в силах сопротивляться ураганному ветру — сарме. Люди стояли на пирсе, вцепившись в крепкие лиственничные перила, и с тревогой смотрели в море. Там, среди бушующей стихии, пробивался к берегу флагман научной флотилии «Верещагин». Он вошел в бухту только к вечеру, обледенелый, похожий на айсберг. Тогда я впервые увидел директора Лимнологического института члена-корреспондента Академии наук СССР Григория Ивановича Галазия. Высокий, широкоплечий, он отдавал распоряжения спокойным, чуть глуховатым голосом и был похож на бывалого байкальского капитана.

Сегодня мы уходили в плавание вместе с ним.

Остались за кормой Большие Коты—научная база Иркутского университета, сверкнули на солнце снежные вершины Хамар-Дабана, и берег стал растворяться в молочной дымке. Справа по борту, почти у самой поверхности воды, проходит большой косяк омуля. Рыба лениво шевелит плавниками, неохотно уступает дорогу судну.

— Вот они, красавцы!— Григорий Иванович восхищенно хлопает в ладоши.— Хороший косяк! А ведь еще сравнительно недавно поймать тут настоящего, взрослого омуля трудно было. Массовые уловы во время войны и нарушения правил рыболовства в послевоенные годы сократили поголовье. В 1969 году было принято решение — запретить лов омуля и взяться за его интенсивное разведение. Омулевые заводы-инкубаторы ежегодно выращивают миллиарды мальков, и в 1975 году можно будет начинать промышленный лов.

Диковинная флора и фауна Байкала еще далеко не изучены. Из 1 800 видов растений и животных, обитающих в его водах, 1 200 видов встречаются только здесь. В поселке Листвянка мне показали жительницу байкальских глубин голомянку — небольшую, почти прозрачную рыбку. Голомянки — живородящие. Самки достигают в длину 20 сантиметров, а весят 50 граммов. Галазий положил голомянку на камень, и через несколько минут... остался только скелет да жирное пятно. Рыба растаяла. А вот еще одна достопримечательность. В 1772 году известный ученый-этнограф И. Г. Георги заинтересовался зимовкой уток в истоке Ангары. Тысячи птиц и сегодня зимуют здесь. Они охотно принимают от туристов хлеб, не боятся шума моторов. Каждый вечер утки поднимаются с голубой дали реки и исчезают в снежной мгле Байкала. Лишь недавно ученые установили, что птицы зимуют на байкальском льду. Торосы защищают их от ветра, и, сбившись в плотную стаю, они переносят свирепый сибирский мороз. Сейчас утки проносятся над нашим судном. Одни торопятся к спокойным таежным заводям, другие падают в озеро и громкими криками призывают собратьев последовать их примеру.

...Утро, веселое байкальское утро. На смену причудливым скалам приходят широкие долины, наполненные бодрящим запахом хвои. Пантач-изюбр замер на вершине скалы, недосягаемый и гордый. Бурая медведица прекратила купание, крутнула большой головой, рявкнула, нехотя вышла из воды и побрела к лесу в сопровождении двух медвежат.

Так выглядят сейчас берега Байкала. Со временем они несколько изменят свой вид. Ученые изучают возможности их использования для санаторно-курортного строительства, туризма. Разрабатываются проекты зон отдыха на юго-западном побережье и в районе знаменитой Тункинской долины, где из-под земли

бьют целебные источники. На Малом море, в живописнейшем районе озера, будет построен байкальский «Артек». На склоне дикой горы уже высится международный Дом художников, а рядом с Лимнологическим институтом поднимается здание гостиницы «Интурист». Прекрасные парки, минералогические заповедники, рыбацкое счастье на берегу тихой речки, встречи с удивительными пещерами — все это ожидает туристов в будущем. Сегодня же турист — пока одна из самых нежелательных фигур на Байкале. Я видел разграбленный древний дацан — храм буддистов, из которого похитили тибетские книги. Я видел кедрач, загоревшийся от туристского костра, раненую цаплю и тоскующего над своим разоренным гнездом баклана. Туристские базы на Байкале переполнены, а территория вокруг них захламлена.

Во всем, что связано с туризмом, чувствуется попустительство беспорядку. С 1933 года обходит озеро средний рыболовецкий траулер «Комсомолец», переоборудованный под пассажирский пароход. Достать билеты на него можно только заранее — за полгода... Судно рассчитано на 200 пассажиров, однако бывают рейсы, когда оно принимает на борт 500(!) человек.

Более десяти лет Восточно-Сибирское пароходство добивается новых судов. И безуспешно. Вся беда в том, что не могут договориться два министерства. На Байкале условия плавания морские, но Министерство речного флота СССР такие суда не строит. Их строит Минсудпром, но... только для Министерства морского флота. Тянутся разговоры, переговоры, а «Комсомолец» отправляется в рейсы с аварийной перегрузкой.

Остановить поток желающих увидеть «самое прекрасное чудо планеты» невозможно. Что делать? В первую очередь нужно оснастить байкальский флот современными судами. Кстати, подходящий тип судов уже найден. Их строит Германская Демократическая Республика. Теплоход берет на борт 700 пассажиров, отвечает всем требованиям судоходства на Байкале и даже носит его имя.

Если позаботиться о хорошем транспорте, то туристские базы можно организовать в строго определенных местах, а значит, следить за порядком там. При разумной постановке дела туризм на Байкале быстро оправдает все затраты на его организацию и будет приносить доход. И самое главное: удастся уберечь уникальные природные комплексы от натиска «дикого» туризма.

...Восточный берег. Строгие башни Посольского монастыря — первого очага христианства на Байкале. Здесь лежал путь русских землепроходцев на Восток. Оранжевый шар уже скатился в воду, и тихо потрескивает в костре сушняк. Запах ухи тревожит аппетит, и старожил ведет неторопливый рассказ о монастыре.

— В 1650 году на этом месте дикие кочевники напали на русских послов, которых царь направил к великому монгольскому правителю Цецен-хану. Убили в устье реки Прорвы боярина Ерофея Заболоцкого и с ним служилых людей. Сибирский митрополит Павел повелел монахам Феодосию и Макарию со старцами строить на берегу Байкала крепость. Разумом и руками русских мастеров и поднялись крепкие стены монастыря, названного Посольским в память о погибших...

...На следующий день проходим дельту Селенги — главной артерии озера. При слиянии с Байкалом река разливается на сотни маленьких проток, пробивающих себе путь среди фантастических зарослей камыша. Утки, гуси, цапли, журавли — целое царство пернатых и нерестовые места омуля составляют неоценимое богатство заповедного уголка.

В нынешнем году на Селенге будет пущен целлюлозно-картонный комбинат.

— Сейчас главные работы ведутся на очистных сооружениях комбината,— рассказывает Григорий Иванович Галазий.— Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранению природных богатств бассейна озера Байкал» значительно облегчает работу ученых. Теперь хозяйственники внимательно относятся к нашим рекомендациям, советуются. Запрещен молевой сплав леса по рекам, впадающим в озеро, ведется очистка рек от затонувших деревьев. На Байкале медленно, но все же сокращаются потери леса при транспортировке в плотах. Более четко работают очистные сооружения Байкальского целлюлозного завода. И все же,— Галазий делает паузу,— говорить о решении всех байкальских проблем рано. Восемьдесят процентов пресной воды Советского Союза содержит в себе озеро, однако обращаемся мы с этим богатством не по-хозяйски. Речь идет о допустимых нормах очищения сточных вод промышленными предприятиями. Нормы составило Министерство целлюлозно-бумажной промышленности. Санкционировали их министерства здравоохранения и рыбного хозяйства. Шаг явно поспешный, не имеющий за собой глубоких научных обоснований. Этими нормами санкционировано распространение сточных вод Байкальского целлюлозного завода в придонных слоях. А это, как известно, привело к образованию «пятна» — загрязнению донных отложений озера целлюлозой и лигнином. Ученые-лимнологи провели такой опыт: исследовали контрольную площадку и пятно загрязнения. На площадке найдено двенадцать видов моллюсков, а на пятне — четыре. Все говорит о том, что утвержденные нормы очистки не обеспечивают нормальную жизнедеятельность водных организмов, влекут к выпадению ряда организмов из состава фауны. Поэтому, на мой взгляд, нормы должны быть пересмотрены...

Нельзя руководствоваться лишь требованиями сегодняшнего дня, надо заглянуть в будущее: что мы оставим после себя внукам и правнукам?

В книге Жана Дорста «До того, как умрет природа» есть такие строки: «Только достигнув истинного взаимопонимания между экономистами и биологами, можно прийти к здравому решению проблемы и обеспечить рациональное развитие человечества в полной гармонии с законами природы». Поиск взаимопонимания, о котором пишет Жан Дорст, на Байкале дает в последние годы неплохие результаты. Многие научно-исследовательские учреждения посылают сюда свои экспедиции. Чтобы объединить их усилия, Президиум Сибирского отделения Академии наук СССР создал комиссию по координации исследований озера — географических, биологических, геологических, экономических. Первая программа, разработанная комиссией, называется «Оптимизация природопользования на Байкале». Ее выполнение позволит установить режим, обеспечивающий сохранение и увеличение ресурсов водоема. При Иркутском университете создана группа под условным названием «Очистка». Участники группы приступили к изучению возможности процесса самоочищения сточных вод с участием живых организмов от вредных веществ. Составляется карта минералогических вод Прибайкалья, исследуется взаимосвязь поверхностных и подземных вод. Начато освоение термальных вод для строительства парниково-тепличных хозяйств. Много внимания уделяется изучению возможности захоронения промышленных стоков. По мнению доктора геолого-минералогических наук, профессора Г. Пиннекера, утилизация сточных вод путем сброса их в глубокие горизонты (на глубину двух-трех километров) вполне реальна для Селенгинского целлюлозно-картонного комбината. Ученые разрабатывают новые рекомендации и технологические решения для промышленности. Одним словом, идет серьезная борьба за крепкое здоровье Байкала.

...Ушканьи острова. Наверное, вам приходилось слышать о таинственном байкальском тюлене — нерпе. Как он попал в озеро? Существует несколько версий. Одна из них такова: тюлень совершил беспримерное путешествие по рекам из Ледовитого океана. Нерповое стадо нынче насчитывает 30—35 тысяч голов. Излюбленное место обитания этих забавных животных — Ушканьи острова. Вот тюлени высовывают из воды усатые морды, смешно отфыркиваются и внимательно глядят на нас большими, как спелые сливы, глазами. Нерпа ценится за прочный мех и целебный жир. С незапамятных времен ведется ее промысел. Академик Окладников на острове Ольхон обнаружил захоронение охотника-нерповика, который промышлял зверя пять тысячелетий назад. Теперь на нерпу охотятся только весной по специальным лицензиям или отлавливают молодых животных для зоопарков.

...Прошли полуостров Святой Нос. До конечного пункта нашего путешествия — Давши осталось несколько часов хода. Давша — небольшой поселок на берегу Байкала. Здесь разместилась центральная усадьба Баргузинского заповедника, созданного в 1916 году известными учеными К. Забелиным и З. Сватошем. Заповедник должен был сохранить ценного баргузинского соболя от полного уничтожения, но окончательно эта задача была решена лишь при Советской власти. Площадь заповедника — 248 тысяч гектаров. Солнечная сосна и темнохвойный кедр, береза и лиственница, осина и пихта покрывают величественные горы. На территории заповедного уголка обитает 38 видов млекопитающих, 225 видов птиц, 50 видов рыб, рептилий, амфибий и множество беспозвоночных.

Соболь — главный объект наблюдения ученых. Король мехов обладает очень свирепым и беспокойным нравом. «Если и придется увидеть соболя в тайге,— пишет ученый-охотовед О. Гусев,— то чаще всего скачущим своим характерным куньим галопом, на ходу вынюхивающим и высматривающим добычу и чуть ли не на ходу добывающим и поедающим ее».

В заповеднике нам посчастливилось увидеть еще одного таежного отшельника — кабаргу. Это самый маленький олень на земле. Рогов животное не имеет, зато у самца есть пара клыков, которые он пускает в ход во время турнирных боев. Главная ценность этого оленя — знаменитая кабарговая струя, содержимое мускусной железы. До пятнадцати рублей золотом платили купцы за одну «струю», используемую в тибетской медицине. К началу XX века кабарга была почти полностью истреблена. Сегодня численность карликового оленя восстановлена до промысловых размеров. Одного из племени таежных отшельников мы встретили на тропе среди замшелых камней и ветровала. Лишь на мгновение четкий силуэт отпечатался на фоне неба: изящная головка, тонкие ноги, чуть согнутые в коленях. Я потянулся к фотоаппарату — последовало насмешливое «Фыш!», и зверь исчез.

...Ложимся на обратный курс. Ворчливый голос мотора ломает устоявшуюся тишину гавани. Десять дней общения с голубым чудом Сибири остались позади. С берега потянул баргузин. Байкал, огромный и живой, качает наше судно в мягких ладонях волн.

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

ФИЛЬМ О ВЛАДИМИРЕ МАЯКОВСКОМ

Поистине, это фильм о Маяковском. С первого и до последнего кадра эта полнометражная картина во весь голос разговаривает с «уважаемыми товарищами потомками».

Чуть тревожное, динамическое начало. С экрана в зал устремляется поток горящих звезд и с ними удивительно пророческие, я бы сказал, космические строки поэта:

Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь
нужно?

Необычное, сильное эмоциональное вступление сразу берет зрителя в свою кинематографическую орбиту и потом уже на протяжении всех пяти частей делает его активным, заинтересованным собеседником великого певца нашей советской эпохи.

Весь настрой рассказа с экрана, органическое сочетание железного стиха и точного документального изображения вводят нас в тот единственный мир, который был так дорог поэту Революции.

Верность его ленинским идеям, молодой Стране Советов, самоотверженная работа на только что рожденную Республику, подвижническое служение революционным массам, для счастья которых он жил,— вот что пронизывает картину и делает ее в подлинном смысле маяковской от начала до конца.

О поэте создано немало фильмов. Новая кинолента выгодно отличается тем, что ее авторам — писателю Ю. Прокушеву и режиссеру Б. Волковичу — счастливо удалось уйти от соблазнительной, но уж очень проторенной тропки автобиографического решения задачи. На экране — не памятник Маяковскому, а его живые дела, он наш современник, и сегодня шагающий с теми, кто «вышел строить и месть».

Это справедливое и совершенно неопровержимое чувство современности Маяковского проходит через весь фильм, каждая, самая малейшая деталь, захваченная объективом оператора,— свидетельство сегодняшнего дыхания весомой и зримой строки поэта.

Без промаха бьет недругов сатира Маяковского. Она разит врагов, борется за новый социалистический быт, изобличает хапуг, подхалимов, бюрократов, гвоздит мещанское «мурло», врывается очистительной грозой в затхлый мирок обывателя.

Особенно впечатляют кадры, на которых к зрителям выходит Маяковский-лирик. Коекому все еще кажется, что лирика для такого поэта всегда была падчерицей, что она несовместима с его поэзией. Неправда. Новый фильм это убедительно опровергает. Лирика Маяковского нежна и строга, она мужественна, в высшей степени человечна.

Превосходно читает стихи артист А. Консовский. Он мастерски нашел и с глубоким проникновением выразил авторские интонации, присущие именно поэзии Маяковского. Отличное чтение им строк из поэмы «Про это», из стихотворений «Хорошее отношение к лошадям», «Послание пролетарским поэтам» и других органично способствует успеху фильма.

С огромным интересом вглядываешься в ленту, когда на ней появляется живой Владимир Владимирович. Он разговаривает с теми, для кого пишет, вдохновенно читает свои стихи. И тут отступает время, стих поэта прорывает громаду лет...

Мы познакомились с лентой, достойной жизнеутверждающей поэзии Маяковского. Созданная творческой группой на студии «Леннаучфильм», она по-настоящему талантлива и по полному праву должна быть отнесена к нелегкому жанру художественно-документальных фильмов.

Фильм «Во весь голос» убеждает нас, что поэзия Маяковского всегда в строю, что ее огненные строки вечно будут современными.

Михаил АНДРИАСОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Человеку, особенно молодому, если он слаб духом, если в нем не заложена прочная идейно-нравственная основа и рядом нет мудрого наставника, легко поддаться всяческим соблазнам и потерять себя в жизни, раствориться в серых буднях никчемного бытия.

Таким надломленным, растерявшим себя человеком предстает в новой повести Семена Шуртакова «Возвратная любовь» солидный московский ученый астроном Николай Юрьевич Владимиров. У Владимирова дом — «полная чаша». Все у него вроде бы есть: и положение в научном мире и материальный достаток, нет только настоящей жизни, а в той, что прошумела годами, он «сделал меньше, чем мог». Почему?

Впрочем, Владимиров вовсе не главное действующее лицо, и речь пойдет не о нем, а о другом герое повести, который начинал было повторять его трагедию,— о Викторе, молодом архитекторе. Женившись на дочери Владимирова Маринке, он поселяется в их «полной чаше» и покорно принимает архаичные правила быта, существующие здесь. Принимает и незаметно для себя утрачивает гражданский накал, человеческую самостоятельность, которыми зарядили его в институте.

Ситуация, как видим, довольно банальная, но, к счастью, служит она писателю лишь поводом для принципиального разговора о насущных проблемах современности — нравственных и социальных. Их неминуемо должен решить для себя молодой человек, вступающий в большую жизнь.

Встряска от губительной, усыпляющей обстановки мещанского благополучия наступает неожиданно — в таежном городе Медвежьегорске, куда Виктор приезжает, чтобы «привязать» к месту проект будущего Дворца культуры.

У вокзала он случайно встретил свою бывшую любовь Валю, про которую, строго говоря, уже позабыл. Но любовь-то, как определил автор, может иногда возвращаться, быть «возвратной», и вот все начинается повторно — но уже как любовь в воспоминаниях...

Виктор остановился в семье Вали. Ежевечерние разговоры с мужем Вали Владимиром, инженером-строителем, человеком твердых убеждений и высокого гражданского настроя, открывают Виктору глаза на шаткость его нравственных устоев, на отсутствие в его жизни главной цели, за которую стоит бороться безоглядно, до конца.

Можно спорить, насколько психологически убедительно выписан в повести процесс внутреннего перерождения Виктора под влиянием разговоров с Владимиром, но процесс этот в подобных условиях был неотвратим. И он завершился тем, что Виктор преодолел в себе душевную инертность, освободился от нерешительности, внутренней скованности.

Виктор начинает по-иному оценивать свое положение, он меняет отношение к эгоистичной красавице Маринке, вновь со всей силой ощущает, что с уходом Вали он лишился той нравственной опоры, в которой нуждался.

Конечно, суть повести не в описании любовных перипетий. Писателя интересует, с чем идет современная молодежь в жизнь, какие пути выбирает, какой багаж возвращает из прошлого. Ставя героев в трудные, проблемные ситуации, Семен Шуртаков показывает, что выход из них может иметь полярно противоположную направленность.

Герои «Возвратной любви» спорят о том, как сделать жизнь красивее, а работу — интересней и целесообразней.

И тут на помощь им приходят и искусство и история. Инженер-строитель Володя и архитектор Виктор любят и цитируют стихи — современные и классику. Они не могут не оценить прекрасных слов поэта:

Во мгле и суете ревущей
Дай бог, чтоб в нас не
прервалась
Минувших, нынешних,
грядущих
Времен возвышенная связь.

Для архитектора эта связь времен — вопрос существенный. Нельзя строить только на пустом, расчищенном бульдозером месте, нельзя отмахиваться от того, что создавал гений народа на протяжении веков, живое прошлое должно органично вписываться в настоящее, в то, что создается сегодня. Здесь опять возникает мотив возвращения к культурному наследию, соприкосновения современности и памяти, исторических традиций. Эмоциональное тесно сплетается с деловым, практическим в жизни, одно от другого попросту неотделимо.

В чем же тут заслуга писателя? А в том прежде всего, что он не боится поднимать даже острые, «больные» проблемы и прежде всего связанные с архитектурой и градостроительством, пытается решить их по-своему и не пугается заостренности этих решений. В этом смысле его книга и полемична и по-доброму публицистична.

Публицистичность — одно из свойств таланта Семена Шуртакова. С публицистики он начинал свой путь в литературе, он и сейчас держит в поле своего зрения то жизненно важное, что волнует его современника и прежде всего современника молодого, которому строить будущее и жить в нем.

В. КУКЛЕВ

Шуртаков С. Возвратная любовь. Повесть. М., «Современник», 1972.

26 АВГУСТА — ДЕНЬ ШАХТЕРА

РЕ СТАН

В СВЯЗИ С НАСТУПАЮЩИМ ПРАЗДНИКОМ СОВЕТСКИХ ГОРНЯКОВ — ДНЕМ ШАХТЕРА — РЕДАКЦИЯ «ОГОНЬКА» ПОПРОСИЛА ПИСАТЕЛЯ ПЕТРА ЛЕБЕДЕНКО ВСТРЕТИТЬСЯ С МИНИСТРОМ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР БОРИСОМ ФЕДОРОВИЧЕМ БРАТЧЕНКО И ВЗЯТЬ У НЕГО ИНТЕРВЬЮ.

Министр подошел к полке, плотно уставленной книгами, перелистал несколько страниц красочного альбома и остановился на репродукции с картины Н. Касаткина «Шахтер с лампочкой».

— Наше прошлое, — задумчиво сказал он.— Или, если так можно выразиться, символ наследия... Не правда ли, в облике этого шахтера есть что-то от каторжника? Обездоленный, придавленный нищетой и безысходностью человек, угрюмо глядящий на мир. Создать такой образ мог лишь художник, душа которого не была чужда мечтам и надеждам простого люда. Но вглядитесь в глаза шахтера. В них нет ни отрешенности, ни обреченности. Словно он знает, что будущее за ним.

Министр говорил увлеченно, как человек, для которого судьбы людей, когда-то взявших в руки обушки и кайлы, стали его судьбой, близкой, трудной. И ничего удивительного в том, что мой собеседник начал с этой картины,— она действительно была как бы началом истории отечественной угольной промышленности.

— Вы знаете, сколько добывалось угля в нашей стране до революции? — продолжал министр.— Около тридцати миллионов тонн в год. Это, конечно, очень мало. А ведь уголь, по выражению Ленина,— хлеб промышленности. В конце 1919 года Владимир Ильич писал: «Наступило время, когда такой важнейшей очередной задачей стала борьба с топливным кризисом. Мы добиваем Колчака, мы победили Юденича, мы начали успешно наступать на Деникина. Мы улучшили значительно заготовку и ссыпку хлеба. Но топливный кризис грозит разрушить всю советскую работу: разбегаются от холода и голода рабочие и служащие, останавливаются везущие хлеб поезда, надвигается именно из-за недостатка топлива настоящая катастрофа». Вот с чего нам пришлось начинать.

— Почти с нуля?
Министр пожал плечами:

— Я не большой сторонник сравнений наших достижений с тем, что было, скажем, полсотни лет назад, но в данном случае нельзя не сравнивать. Советские шахтеры сейчас дают народному хозяйству около двух миллионов тонн угля в сутки. Два миллиона в сутки теперь и тридцать миллионов в год тогда — рост гигантский, не так ли?

Нетрудно представить тяжеловесные эшелоны с углем, день и ночь мчащиеся по железным дорогам страны. Бегут и бегут они к тепловым электростанциям, гигантским домнам, огромным химическим заводам, на топливные склады городов и сел. День и ночь. День и

КОРДЫ
ОВЯТСЯ НОРМОЙ

ночь... А угля все не хватает, каждый день его нужно больше и больше.

Зашел я как-то в городе Шахты к начальнику Углесбыта Валентину Петровичу Андрееву. На столе — гора писем и телеграмм: срочных, категоричных, просящих, угрожающих. «Немедленно отгружайте семь тысяч тонн, ставите под угрозу срыва государственный план». «Убедительно просим отгрузить в счет будущих нарядов четыре тысячи тонн... Надеемся, ждем, заранее благодарим...» «Настоятельно требуем кратчайший срок отгрузить сорок пять тысяч. Противном случае будем жаловаться вышестоящим органам. Исполнение телеграфьте...» И даже такое: «Дорогой Андреев! Горю с планом. Не выручишь — совсем сгорю. Выручай, дорогой. Всего пятнадцать тысяч тонн».

Андреев, давно, видимо, ко всему этому привыкший, тем не менее не переставал возмущаться: «Откуда я им столько возьму? Все просят, все кричат, а я получаю всего девяносто тысяч тонн в сутки!»

Тогда я по-настоящему понял: чего-чего, а избытка угля в ближайшем будущем не предвидится. А сейчас вдруг подумал: но ведь когда-то всему этому придет конец — ведь ничего неиссякаемого нет и не может быть. Придет час, когда недра отдадут свой последний кусок антрацита. Что же тогда будет? И спросил об этом у министра.

— Если мы станем добывать уголь в темпах значительно больших, чем добываем сейчас, то и в этом случае нам только достоверно разведанных запасов хватит на триста лет. Подчеркиваю, только разведанных, а с учетом всех геологических запасов — более чем на тысячу лет. Лишь в районах восточнее Урала залегает свыше 5 535 миллиардов тонн угля. В Восточной Сибири расположены такие крупные угольные бассейны, как Канско-Ачинский, Тунгусский, Ленский, Южно-Якутский, Иркутский, Минусинский. Тунгусский и Ленский бассейны по запасам угля не имеют себе равных в мире.

— Борис Федорович, одно время у нас была тенденция к сокращению добычи угля. Чем это было вызвано?

— Да, такая тенденция действительно имела место. В США, например, в связи с ростом добычи нефти и газа, в связи с развитием атомной энергетики добыча угля была сокращена. Теперь там пересмотрели этот вопрос — уголь добывают все в большем количестве. У нас тоже шли разговоры о том, что с ростом добычи нефти и газа развитие угледобычи следует сдерживать. Это была ошибочная точка зрения, и сама жизнь ее опровергла.

В последние годы был принят ряд постановлений о дальнейшем развитии отрасли, о техническом перевооружении угольной промышленности, об улучшении жилищно-бытовых условий шахтеров. С каждым годом увеличиваются капиталовложения в угольную промышленность.

— Борис Федорович, я все же хочу вернуться к началу нашей беседы. За счет каких резервов угольная промышленность наращивает темпы? Еще в 1967 году в одной из своих брошюр вы писали об отдельных бригадах, добывающих из одной лавы за сутки по тысяче тонн угля, что являлось тогда выдающимся достижением. В 1973 году таких бригад стало сотни. А производительность труда горняков все растет, и те достижения, которые в 1967 году казались почти фантастическими, сегодня стали рядовым явлением.

— Бригад, добывающих за сутки более тысячи тонн угля, сейчас действительно много — более четырехсот, и их число будет расти дальше. Вы, конечно, знаете Героя Социалистического Труда Михаила Чиха. Сейчас он со своей бригадой рабочих очистного забоя добывает из одной лавы свыше двух тысяч тонн угля в сутки. В 1972 году Чих добыл более шестисот тысяч тонн. А теперь есть бригады, которые в нынешнем году решили добыть по одному миллиону тонн угля. Это бригады Владимира Мурзенко из Донбасса и Геннадия Смирнова из Кузбасса. Приятно сообщить, что бригада Владимира Мурзенко совсем недавно установила новый мировой рекорд: за 31 рабочий день этот славный шахтерский коллектив добыл из одного забоя 207 тысяч 873 тонны угля. На Украине высокими достижениями славятся бригады, возглавляемые Анатолием Таценко и Анатолием Акимовым, в Казахстане и Подмосковье — коллективы участков, руководимые Отари Ишхнели и Яковом Регушевским. Много замечательных передовиков среди проходчиков, экскаваторщиков, машинистов локомотивов, шахтостроителей и других угольщиков из всех бассейнов страны.

Что это за люди, какие внутренние силы ведут их вперед, какими качествами они обладают? Думаю, не ошибусь, если скажу: общее, что этих людей объединяет, — высокое сознание своего долга, любовь к горняцкой профессии, замечательное мастерство, безукоризненное знание техники. У несведущих людей бытует мнение, будто сегодняшняя шахта мало чем отличается от тех, что были, скажем, десяток лет назад. Дескать, вместо отбойных молотков появились комбайны и струги, а все остальное не изменилось: и темень непроглядная, и лопаты в руках рабочих, и кровля того и гляди обрушится на голову, и поток подземной воды вдруг прорвется и затопит шахту...

Министр показывает фотографии, сделанные в шахте. Штрек залит светом люминесцентных ламп. Мощный агрегат движется в лаве, где почти нет людей. Глыбы угля рушатся на конвейер, он несет их из забоя и перегружает на непрерывную конвейерную линию. Там, где несколько минут назад прошел агрегат, образовалось выработанное пространство. Успеют ли крепильщики подтащить стойки, не обрушатся ли тысячи тонн ничем не поддерживаемой породы? Нет ни крепильщиков, ни деревянных стоек, ни тяжелых стальных тумб — тысячи тонн породы в выработанном пространстве принимает на себя гидравлическая самопередвигающаяся крепь. Надежны ее стальные плечи, надежно срабатывают сложные умные механизмы.

Министр продолжает:

— Техническое перевооружение угольной промышленности — это самое важное, над чем мы сейчас работаем и будем трудиться в дальнейшем. Наши научно-исследовательские и проектные институты решают задачи полной автоматизации и механизации всех производственных процессов добычи угля. На шахты поступают новые совершенные машины, гидрофицированные комплексы, обеспечивающие механизацию всех работ по выемке угля и управлению кровлей, обеспечивающие безопасность, полностью ликвидирующие тяжелый физический труд. Вот что такое шахта сегодня и шахта недалекого будущего.

Преимущественное развитие получает добыча угля открытым способом, он позволяет применять более мощную технику. В Экибастузе, например, создается крупнейший угольный разрез «Богатырь», вступили в строй его первые очереди производительностью 20 миллионов тонн угля в год. В дальнейшем этот разрез будет давать 50 миллионов тонн угля в год. К концу пятилетки объемы открытой добычи достигнут более 30 процентов от общего объема добываемого в стране угля.

В апреле этого года Центральный Комитет КПСС рассмотрел вопросы о ходе выполнения Директив XXIV съезда КПСС о техническом перевооружении угольной промышленности. Вынесено специальное постановление, которое открывает новые горизонты в развитии и механизации предприятий нашей отрасли. Это постановление окрылило шахтеров.

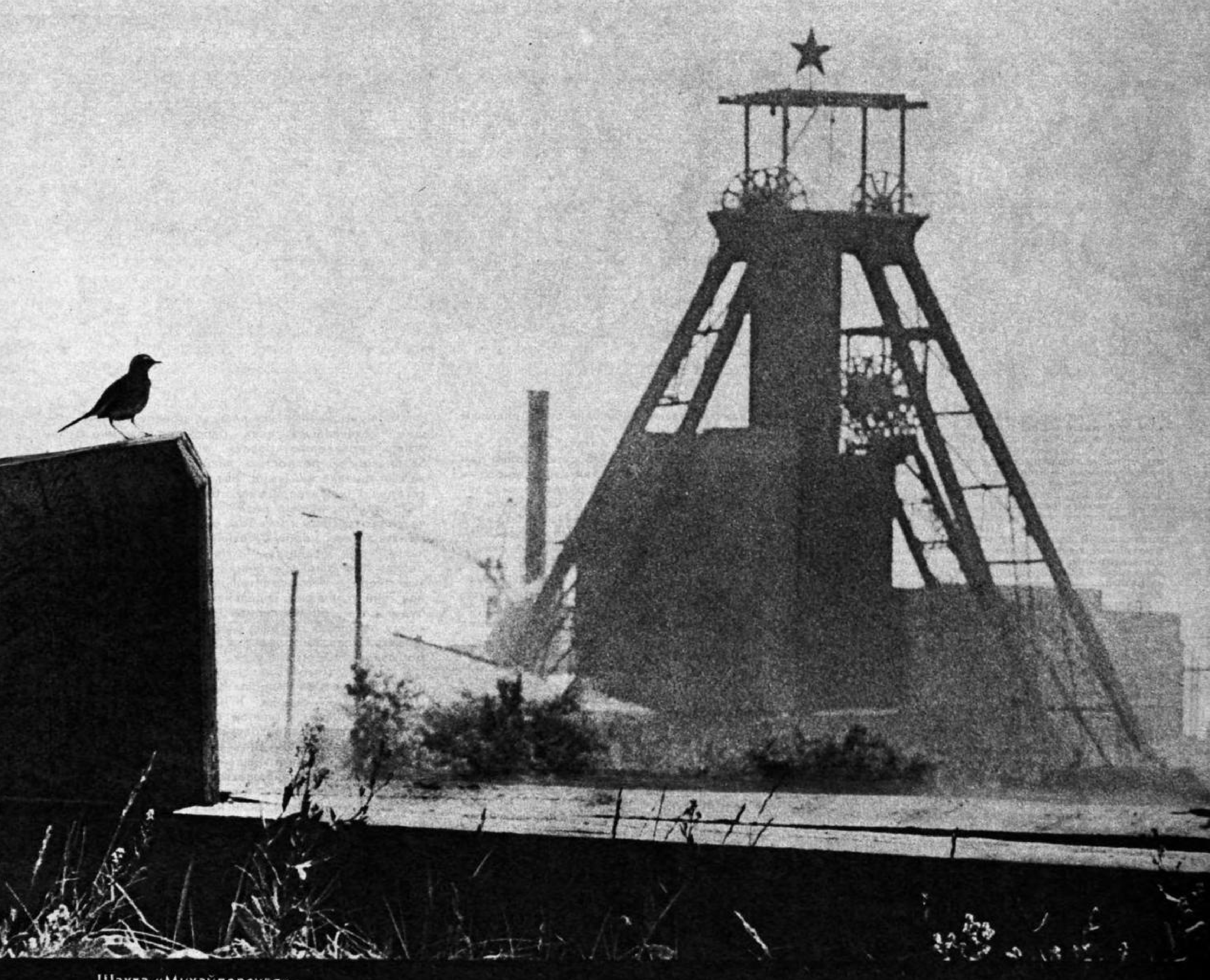
Конечно, есть у нас и свои трудности, но может ли их не быть, если идет огромная работа по техническому перевооружению целой отрасли промышленности, если идет самая настоящая научно-техническая революция?

Министр на минуту умолк, а я подумал, что, вероятно, многих трудностей удалось бы избежать, если бы на пути этой научно-технической революции не стояли вполне устранимые преграды. В мае этого года мне довелось присутствовать на совещании горняков в Донецке. Один за другим поднимались на трибуну начальники комбинатов, знатные шахтеры, ученые, конструкторы. И почти все говорили о существенных недостатках угольного машиностроения, которое давно пора передать полностью в руки горняков. Такая мера способствовала бы ускорению технического прогресса отрасли, созданию новых горных машин и механизмов, более быстрому внедрению их в производство, обеспечению шахтеров всем необходимым для выполнения важнейших народнохозяйственных задач, поставленных XXIV съездом партии перед угольной промышленностью.

— Борис Федорович, разрешите задать традиционный вопрос: с какими достижениями армия горняков идет к своему празднику — Дню шахтера?

— В третьем, решающем году пятилетки шахтеры обязались выдать на-гора свыше 660 миллионов тонн угля и 30 миллионов тонн горючего сланца, ввести десятки новых и реконструируемых угольных предприятий, повысить на 6,5 процента производительность труда. Задача не из легких, но шахтеры всегда славились тем, что умели держать свое слово. Мы уверены, что со своими обязательствами справимся...

Хочу воспользоваться случаем и через журнал «Огонек» обратиться к писателям. Маловато вы пишете о наших горняках. Хотелось бы больше читать очерков, рассказов, повестей и романов, слушать песни и смотреть кинофильмы о наших замечательных людях—рабочих, добывающих «черное золото», проходчиках, механизаторах, инженерах, об их трудовых буднях, об их интересной жизни.



Шахта «Михайловская».

ЗАДАЧИ «НА В

Сергей НИКИТИН,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Они стояли и смущенно улыбались, оглушенные громом оркестра, пестротой букетов и непривычным многолюдством. Глаза их, подведенные угольной пылью, щурились от яркого утреннего солнца: шахтеры только что поднялись «на-гора» — вся очередная добычная смена лавы. А наверху их встретил... праздник. Они, конечно, догадывались, что так и будет, еще под землей знали: есть рекорд! К рекорду этому готовились давно, всем коллективом шахты, и был он несбычен: его не штурмовали, а рассчитали заранее — «выполнили», как выразился руководитель третьего участка карагандинской шахты «Михайловская» горный инженер Отари Георгиевич Ишхнели.

— Откровенно сказать, мы выполнили инженерный замысел, но не рекорд,— сказал он.

— Нет, именно рекорд,— добавил директор шахты «Михайловская» Халип Галиаскарович Хальфин,— и теоретически он был установлен месяца три назад. Теперь третий участок его просто подтвердил практикой. А рекорд есть рекорд.

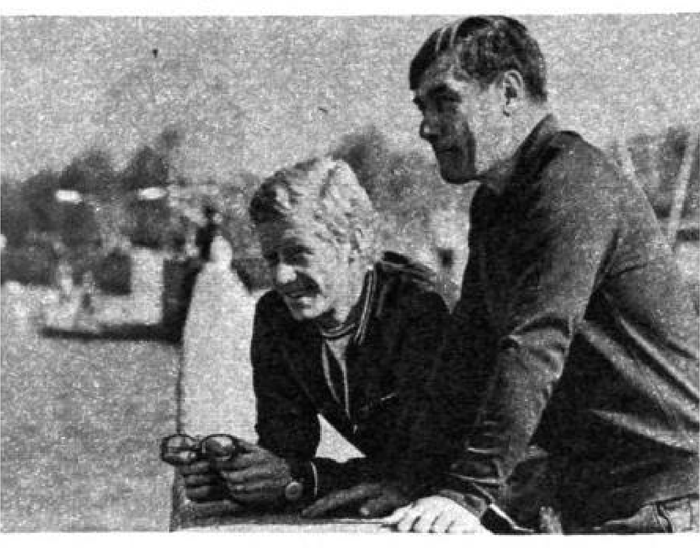
Директор шахты Х. Г. Хальфин вместе с группой карагандинских инженеров, техников, ученых, передовых производственников был удостоен Государственной премии СССР за выдающийся вклад в горную науку и практику. Много лет понадобилось карагандин-

ЫРОСТ»

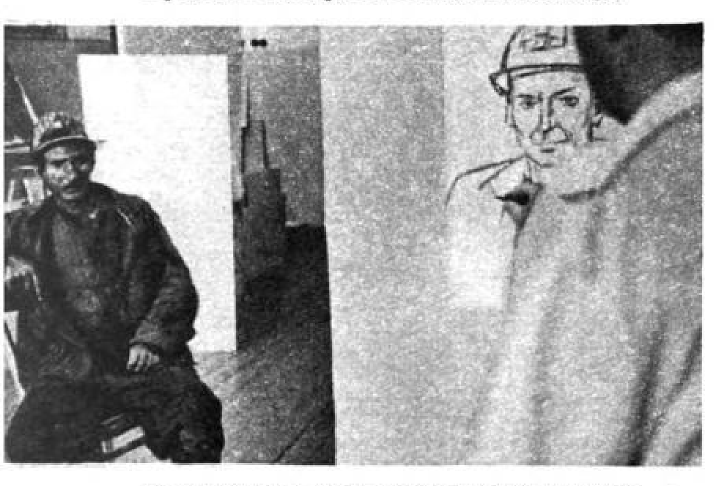
ским угольщикам, чтобы осуществить обширную программу концентрации горного производства и комплексной механизации очистных работ, внедрить высокоэффективную технологию выемки угольных пластов. Это помогло за пятилетие повысить производительность труда в очистных забоях с применением узкозахватных комбайнов с индивидуальной крепью в 1,2 раза, а в лавах с механизированными крепями — в 2 раза.

Горняк Тимофей Романов.

Отец и сын Ишхнели.



Братья Виктор и Леонид Абгольц.



Рождается портрет Петра Малышко.

Бригадир Г. Д. Нехань.

Бригадир Ж. Игибаев со своими «наследниками».

Инженерия рекорда Отари Ишхнели и его товарищей готовилась строго научно: разработанная большой творческой группой шахты «Михайловская» проектно-техническая документация вылилась в конкретную планограмму, которую и взялись воплотить в дело механизаторы третьего участка. За 31 день бригады Петра Малышко, Леонида Абгольца, Григория Неханя и Жанибая Игибаева добыли механизированным комплексом «КМ-81Э» из одной лавы 177 023 тонны угля. Это значит, что механизаторы одного лишь участка выдали на-гора столько угля, сколько его обычно за тот же срок добывает крупная шахта в любом из бассейнов страны. Год назад механизаторы участка первыми на шахте освоили новые механизмы добычи и довели среднесуточную нагрузку на лаву до 2,5 тысячи тонн. Во всем бассейне не было такого показателя. Но тогда михайловцы решили довести производительность труда за смену до 100 тонн угля на человека.

Карагандинцы доказали, что можно превратить рекорды в «стабильное явление».

И великой радостью наполнились сердца михайловцев, когда после памятного итогового дня пришло на шахту поздравление Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Первым об этом узнал, конечно, дежурный по шахте. Ночная смена подходила к концу. По трансляции полетела в забой добрая весть. А в ответ раздалось:

— В честь такого события дадим до конца смены еще сотни тонн угля!

Высокая оценка самоотверженного труда механизаторов третьего участка «Михайловской» стала радостью всех карагандинских шахтеров. Поздравить михайловцев съехались ветераны и молодежь со всего бассейна. Одним из первых приехал сюда знатный горняк шахты имени 50-летия Октябрьской революции Герой Социалистического Труда А. Сериков. Коллектив, в котором он трудится, соревнуется с «Михайловской», и победа соперников — праздник для Серикова и его товарищей.

Здесь же на митинге горняки «Михайловской» пересмотрели свои высокие обязательства на текущий год и пятилетие. Начальник участка О. Ишхнели заявил:

— Мы стремимся сделать наш рекорд повседневностью. Мы горячо благодарны Леониду Ильичу Брежневу за поздравление, за высокую оценку нашего труда. Горняки нашего участка решили план третьего, решающего года пятилетки выполнить к 7 ноября, а всего за пятилетие добыть 2,5 миллиона тонн.

О. Ишхнели признается, что, когда пятнадцать шахтерских коллективов решили повторить достижение бригады И. Стрельченко с шахты «Трудовская», «у нас дух захватило». Но горняки участка все-таки включились в соревнование. А по плечу ли?

— В том и смысл! — оживляется Отари Ишхнели. — Мы решили с самого начала ставить перед собой задачи «на вырост» — всегда чуточку больше того, что, кажется, на пределе. А теперь, когда есть рекорд, тем более всем хочется идти дальше. Обязательно выполним слово, данное Леониду Ильичу в ответном письме. Ведь у нас на участке не простой народ.

— Какой же?

И Отари перечислил по именам, отчествам и фамилиям всех лучших шахтеров. Он называл каждую фамилию с особым значением. И я понял его: есть каждый человек сам по себе, со своей фамильной гордостью и честью, а есть все вместе — коллектив. И радостно, когда люди умеют видеть не только лес, но и разглядеть в нем каждое дерево. А это значит видеть и широко и зорко.

А на днях к шахтерам «Михайловской» вновь пришла большая радость. Леонид Ильич Брежнев в своей речи на вручении Казахской ССР ордена Дружбы народов сказал в их адрес самые теплые слова: «...Возьмите достижение бригады горняков третьего участка шахты «Михайловская», которым удалось в несколько раз превзойти производительность труда своих товарищей по бассейну. Причем это было достигнуто не ценой перенапряжения физических сил, а прежде всего за счет умелой организации труда, более полного и эффективного использования техники».

Виктор ШУТОВ

КРАЙ СИНИХ ТЕРРИКОНОВ

ИСТОКИ

Называют его Донбассом,
я — отцовскою стороной,
первой сказкой ему обязан,
немудреною первой строкой.

В детстве думалось: не терриконы —
древних воинов шлемы лежат;
вагонетки промчатся со звоном —
вздрогну я: не дружины ль спешат?

Только после,
где штреки, как вены,
и забои, как жилы земли,
горняки, что до слез откровенны,
в жизнь мою безраздельно вошли.

Стал и я вместе с ними добытчик,
не стереться мозолям моим.
Неспроста, видно, уголь обычный
горняки нарекли золотым.

БРАТСКАЯ МОГИЛА

Здесь памятника нет,
здесь каждым утром
становится рассвет,
как часовой, над шурфом [1].

И добрый дождь лучей,
как будто с трона,
колонию грачей
сгоняет с террикона.

А рядом — город
на холмах покатых,
там дел по горло
у парней чубатых...

Зарыт навеки стон
в подземных трюмах,
над ними террикон
сутулится угрюмо.

Расстрелянных ночей
немой свидетель —
он видел палачей
двадцатого столетья.

Бросали в ствол живых
под пьяный гогот,
и был зловеще тих
осиротевший город.

Здесь обелиска нет.
Да нужен ли он, право?
Здесь век оставил след
бесславия и славы.

ЛЕБЕДИ

На закате розовом
в шелесте березовом,
в тополином лепете
затерялись лебеди.

Пролетали белые,
проплывали сильные
над рябиной зрелою,
над рекою синею,
по-над стежкой узкою,
будто в сказке-небыли.

Светлые и грустные —
были или не были?

Все гадаю-думаю:
может, померещилось,
может быть, в мечту мою
залетели вещие?

Взвились гордой стаею,
и, как ты, красивые,
вдалеке растаяли
над моей Россиею...

[1] Шурф — вертикальный ствол для вентиляции шахты.

Донецк.

НА ПРИЛАВОК 1974 ГОДА

В. ГОРЧАК,
начальник Роскультторга

Второй год Межреспубликанские оптовые ярмарки по продаже товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода проводятся не осенью, как было прежде, а летом — задолго до составления и утверждения планов выпуска. Мы уже успели почувствовать преимущества такого нововведения и оценить его. Как было раньше! Ярмарка состоялась, ее анализ диктует надобность в коррективах для промышленности, но внести эти изменения нельзя: план не только составлен, но уже и утвержден. Теперь промышленность получила возможность учитывать данные торгов, проведенных на ярмарке; больше выпускать изделий, пользовавшихся повышенным спросом на ярмарке, и сократить то, что по тем или иным причинам не идет, залеживается, оседает на прилавках и складах... Это, в свою очередь, делает взаимоотношения между торговлей и производством более четкими.

На недавно завершившуюся оптовую ярмарку базы Роскультторга и промышленные предприятия, находящиеся в Российской Федерации, представили товары свыше 14 тысяч наименований. Одних только новинок 1 030 образцов! Хотелось бы сказать о некоторых из них, проанализировать новые тенденции.

За первое полугодие нынешнего года по сравнению с прошлым продано значительно больше легковых автомобилей. Но автомобиль — это не только кузов и четыре колеса. Автомобиль требует много сопутствующих вещей. И предприятия стали активнее осваивать выпуск изделий, призванных обеспечить автомобилистам удобства, комфорт, а главное — безопасность езды. Речь идет и о пристяжных ремнях для водителя и пассажиров (их наконец-то начинают выпускать) и об удобных панорамных зеркалах заднего вида, и о ящиках для «малого» инструмента, о разных мелочах...

Среди других новинок — малогабаритный электромузыкальный инструмент «ФАЭМИ», своеобразное переносное пианино; «Таймер» — часы, которые по истечении заданного времени подают сигнал. Но это не обычный будильник, а часы, под опекой которых, если так можно сказать, находятся кухонные заботы. «Таймер» может выключить или включить электроплиту, ему поручают включение или отключение стиральной машины. Хорош снегокат «Чук и Гек» — принципиально новой конструкции сани с рулевым управлением и тормозами. Любопытную вещицу предложили ленинградцы — электронный прибор для отпугивания комаров. Принцип его действия основан на том, что прибор издает звук, на комарином «языке» означающий, видимо, «опасно!». Размер его лишь немногим больше портсигара, он не обременителен в туристском походе, а тем более на даче.

Намечены к выпуску модернизированные телевизоры «Чайка-206», «Рекорд-В-307», «Рекорд-В-308», «Рекорд-335», «Рассвет-306», а также телевизоры с цветным изображением — «Радуга-704», «Рекорд-705». Это вполне современные аппараты.

Магнитофон становится такой же привычной вещью, как, скажем, радиоприемник. Поэтому торговля с интересом отнеслась к новым моделям магнитофонов, в их числе был первый наш четырехдорожечный транзисторный магнитофон «Орбита-303». Он отличается не только хорошим оформлением, чистотой и силой звука, но и экономичностью. Этим магнитофоном могут пользоваться и кинолюбители при создании своих лент — для синхронного звукового сопровождения. Сейчас производится довольно много магнитофонов, и чтобы новинка нашла покупателя, она должна быть очень хорошей. Надеемся, что «Орбита-303» будет аппаратом именно такого толка.

В новом кассетном магнитофоне «Легенда-401» применена радиокассета: если ее вставить на место обычной, можно использовать магнитофон и как радиоприемник. 37 тысяч таких приборов получит торговля. Успехом на ярмарке пользовался 38-дорожечный настольный магнитофон «Садко-381», — на одной его ленте можно собрать фонотеку с непрерывным звучанием в течение 12 часов. В 1974 году торговля получит 10 тысяч таких аппаратов. Но если с магнитофонами дело обстоит более или менее благополучно, то спрос на диктофоны пока не удовлетворяется. Очень мало диктофонов стационарных, кабинетных, так необходимых экономистам, медикам, журналистам, представителям других профессий. Совершенно не выпускаются добротные портативные диктофоны.

На 1974 год закуплены новые транзисторные радиоприемники «Гиала-404», «Кварц-404», радиолы «Рекорд-353» с тремя обычными диапазонами и одним ультракоротковолновым.

Все эти телевизоры, радиоприемники, магнитофоны сделаны из современных материалов, с применением ударопрочного полистирола и декоративных накладок. Сейчас на это приходится обращать серьезное внимание, если хочешь, чтобы изделие не залеживалось на прилавке. Высокое качество плюс отличный внешний вид — вот формула, исходя из которой можно определить, станет ли популярной та или иная новинка.

На ярмарку была представлена новая кинокамера «Кварц-С3». Светосильный объектив ее «Метеор-8М» имеет трансфокатор — переменное фокусное расстояние, от 9 до 30 мм. Четыре скорости съемки позволяют делать любопытные ленты. Покадровые съемки могут создать эффект замедленного или ускоренного развития действия на экране.

Из новых спортивных и туристских товаров я хотел бы назвать плавучую дачу «Аленушка». Она оборудована двумя сдвоенными спальными местами, имеет камбуз, шкаф для хранения одежды. На крыше дачи — солярий. Завод химического оборудования изготовил автоприцеп «скиф-дача». Он буксируется любым отечественным легковым автомобилем. «Скиф» хорош для дальних путешествий, загородных прогулок.

Рыбинский моторостроительный завод выпустил «Буран» — лыжно-гусеничную машину для поездок по снегу. Это своего рода снежный «мотоцикл», которому не страшно бездорожье. Машина удобна для обслуживания экспедиций, для топографических и изыскательских партий. Мощность двигателя снегохода достаточна для того, чтобы везти двух пассажиров со скоростью до 60 километров в час.

Хочу особо подчеркнуть: многие из названных товаров освоены промышленностью по рекомендациям торгующих организаций. Такое содружество приносит свои плоды. Когда же промышленность игнорирует заказы, пожелания торговли, дело складывается хуже. На состоявшейся год назад ярмарке было представлено 926 новых образцов товаров. Однако некоторые из них еще не поставляются промышленностью. Пензенским велозаводом был показан подготовленный к серийному производству образец складного велосипеда. Спрос на такую машину есть, и притом устойчивый. Однако Главмотовелопром Министерства автомобильной промышленности СССР, координирующий вопросы межотраслевой разработки и внедрения в производство велосипедов, не посчитался с инициативой пензенцев и поручил разработку таких же веломашин другому заводу. А это предприятие представило на ярмарку аналогичный образец... в последний день ее работы. Вот результат: на нынешний год они не закуплены. Их должны были поставить рынку 30 тысяч штук, а реально ожидается лишь... 400!

Решение Главмотовелопрома о запрещении производства складных велосипедов на Пензенском велозаводе отодвинуло появление хорошей, нужной новинки на целый год.

Подобных фактов немало. Первый Московский часовой завод продал было на ярмарке оптовым базам на 1973 год новые наручные часы «Полет» с двойным календарем. Но на протяжении полугода мы не получали их вовсе, а несколько дней назад узнали, что в текущем году их поставлять не будут. Зачем же было показывать эти часы на ярмарке?

Внимание многих представителей торговли привлекли фотоэкспонометры «Свердловск-2».

— Можем предложить 20 тысяч штук,— сказали нам.

Однако до настоящего времени поставлено лишь 1 500 штук. Такие «неточности» стали обычными в практике работы некоторых предприятий, которые в последнее время по тем или иным причинам сокращают или прекращают выпуск различных, в том числе и простейших, дешевых, но нужных людям изделий. Приведу совсем анекдотичный пример — летом он особенно уместен. Московская фабрика «Звездочка» Министерства легкой промышленности РСФСР при ежегодной заявке торгующих организаций на 300 тысяч сачков — обычных марлевых сачков для ловли бабочек — поставила их в прошлом году 100 тысяч штук. А с 1 января 1974 года фабрика вообще прекращает их выпуск.

Аналогичные решения приняты Калининским объединением художественных изделий и игрушек, Нарофоминской фабрикой деревянных игрушек. Везти сачки за тридевять земель? Разумно ли это? Ведь перевозка их дороже стоимости изделий!

Воскресенский химический завод Министерства местной промышленности РСФСР в 1972 году предложил было 1 500 тысяч наборов шестицветного пластилина. И вдруг прекратил его изготовление. Как быть школьникам, ученикам 1-го класса? Предприятия фирмы «Мосбытхим» Министерства химической промышленности заключили с торгующими организациями договоры на поставку в текущем году 700 тысяч наборов шестнадцатицветных акварельных красок. Договор заключен, а производство... прекращено.

Все это приводит к неоправданным перебоям в розничной торговле, к жалобам и нареканиям покупателей. Произвольное сокращение и прекращение производства простейших товаров недопустимо. Тем более, что можно избежать всего этого. Надо лишь всегда помнить об интересах покупателя.

Виктор **КУДРЯВЦЕВ**

ОБЛИК ТУНИСА

Сегодня Тунис — это арабский город двадцатого века. Он предстает таким и по своему облику и по внутреннему ритму, который определяет его жизнь.

Центральная артерия города — бульвар Бургибы. Прямой, как стрела, обсаженный высокими платанами, он усеян газетными киосками и небольшими книжными лавками, словно пчелиными сотами. Ранним утром тунисцы, толпой направляющиеся на работу, шелестят свежими газетами, обсуждают новости: что произошло на Ближнем Востоке, какой закон принят Национальным собранием. Этот поток начинается у ворот медины — специфически арабской части города. Ее жители отправляются на автобусах или просто пешком в рабочие пригороды, где расположены основные предприятия столицы. В толпу вливаются служащие учреждений, студенты пестрыми стайками прицепляются к автобусам или торопятся в институты на велосипедах, школьники спешат в колледжи. Этот поток стремительно проносится по улицам столицы, и через 30—40 минут город принимает обычный вид.

В медине жизнь начинается еще раньше. В шесть-семь часов базары заполняются торговцами, открываются глухие ставни лавок.

Тунисские базары стоят того, чтобы на них остановиться особо. Примечательная черта медины состоит в том, что это одновременно рынок и «город в городе», жилые кварталы и ряды торговых точек. В медине можно прожить, не выходя за ее пределы. И так было когда-то. Здесь люди работают, торгуют, женятся, обзаводятся семьями, учатся в медресе, аккуратно посещают одну из самых древних в Мадреби мечеть Джамаа Эз Зетуна, что означает «мечеть в оливковой роще», отмечают религиозные праздники. Это воплощение той арабской городской бытовой цивилизации, благодаря которой арабский город отличишь от любого другого города в мире. Она сложилась тысячелетия тому назад. Нельзя сказать, что сегодня тунисская медина, как и медина любого другого арабского города, все та же, но многое сохранилось. Внешние перемены не коснулись «внутреннего зерна», «сердцевины».

Как и сотни лет назад, ремесленники, основная масса населения медины, распределены сообразно их «цеху»: чеканщики по меди и серебру, мастера кожаных изделий, «горшечная» индустрия тунисских базаров. В привилегированном положении парфюмеры. Тунис издавна славился этим ремеслом. В некоторых районах страны находятся огромные плантации растения бригадье. Его цветы используются для приготовления духов, секрет которых передается парфюмерами из поколения в поколение и бдительно охраняется.

Но, в общем, тунисские парфюмеры настроены пессимистично. Многим приходится уходить в парфюмерную промышленность инженерами, мастерами или дегустаторами.

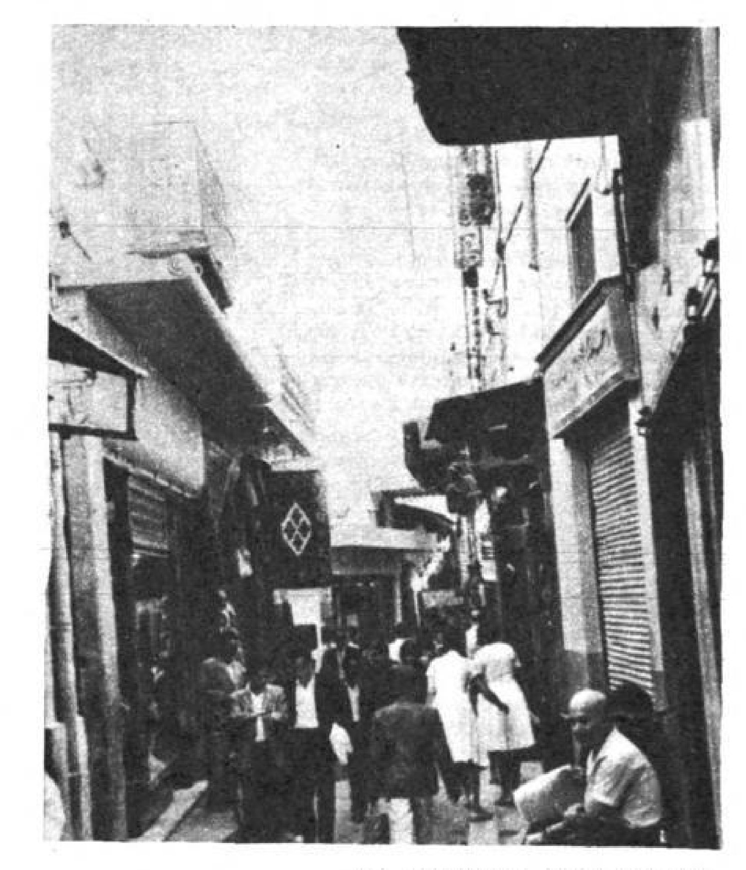
— Никто теперь не интересуется истинно тонкими духами,— сказал мне один из них, человек образованный, парфюмер «в третьем поколении».— Все хотят, чтобы было похоже на «Шанель» или «Магриф». Теряем клиентуру, торжествует грубый вкус на резкие, терпкие духи, а ведь само искусство их приготовления пришло с Востока, из арабского мира. Еще мой дед гордился сложным букетом своих изделий, поэтичным, как сура корана. Сейчас стали писать примитивную прозу. Духи — как хорошее вино, их нужно «распробовать». А теперь они похожи на виски: сразу «бьют».

Особое место наряду с парфюмерами в тунисской иерархии кустарей занимают хозяева ковровых мастерских. Их много в тунисской медине и в особенности в городе Кайруан. Ковровое ремесло сосредоточилось в руках 507 семей. Ткут их обычно женщины, им помогают дети. Для изготовления ковра два на три метра тратится от шести месяцев до года. Труд тяжелый, требующий внимательности и большой точности. Я посетил одну мастерскую в Кайруане. В комнате почти без окон, низко согнувшись за специальными станками, сидят женщины. Некоторым из них по двадцать — двадцать пять лет, но выглядят они гораздо старше. К сорока годам у них заметно ослабевает зрение. Сохраняется и даже обостряется только способность улавливать цветовые нюансы. Яркое солнце режет им глаза, мир постепенно меркнет, и лишь гамма ковров — слагаемое из коричневого, голубого, зеленого, красного — становится все отчетливей. Есть и другие профессиональные болезни — в первую очередь туберкулез: низкие каменные своды, сыровато, в воздухе тончайшая пыль из мелких ворсинок. Я спросил, почему нельзя работать на открытом воздухе. Мне ответили: «Расцветка и рисунок ковров должны все время «выверяться» в закрытом помещении и в основном при искусственном свете. Ведь ковры будут вешать в доме, а не на улице...»

Несмотря на то, что центром коврового производства считается Кайруан, рынок ковров все более переходит в Тунис, где он имеет либо традиционную форму, либо современную — магазины оптовых скупщиков Фурятий и Фатима на улице Мечети. Крупные продавцы ковров — богатейшие люди в Тунисе, те, кто их изготовляет,— женщины, беднейшие...

Сегодня в арабском мире, в том числе в Тунисе, много спорят о том, какое место занимает и должен занимать ислам в жизни арабов XX века. О том, какое мнение преобладает, свидетельствует уже тот факт, что все арабские государства являются, согласно их конституциям, исламскими государствами, будь то королевство, шейхство или республика. Религия здесь, следовательно, не отделена от государства. Всякий, кто захочет понять сложную и противоречивую действительность сегодняшнего арабского мира, не сможет многое себе объяснить, если упустит это обстоятельство. По сию пору ислам оказывает большое влияние на всю жизнь араба-труженика от колыбели до последнего часа. Я говорю здесь не о характере этого влияния, а только о его факте. По существу ислам до сих пор формирует как нравы и обычаи масс арабских народов, так и саму структуру быта араба. В полдень, что бы ни случилось, арабский феллах или рабочий, мелкий торговец или чистильщик ботинок повернется лицом к Мекке и, опустившись на колени, обратится к аллаху. Иностранца в арабских странах поражает, когда в шумном городе среди тесноты уличного движения он видит людей, стоящих на коленях и углубившихся в молитву. Изо дня в день, пять раз в течение суток на улицах арабских городов от Персидского залива до Атлантического океана раздается голос муэдзина. На стенах учреждений и предприятий наряду с плакатами, призывающими поднимать производительность труда или экономить сырье, развешаны выдержки из корана или же большие листы, на которых убористым, микроскопическим почерком выписан весь текст «Священной книги».

И еще сегодня, после многих



На одной из улиц Туниса.

лет революций, социальных потрясений, политических переворотов, религиозные праздники и даты отмечаются арабами порой более массово и активно, нежели другие годовщины.

Основное место в бытовой и психологической жизни араба занимает рамадан, месяц, когда жизнь мусульманина протекает по особому распорядку. В период рамадана, когда мусульманин должен очищаться от грехов, рабочий день начинается гораздо позже обычного, а заканчивается раньше. Пищу можно принимать только до наступления зари или после захода солнца, отмечаемого выстрелом из пушки. В течение дня нельзя есть, пить, курить и даже чистить зубы. Женщинам запрещено употреблять косметику. Или, как это звучит на языке исламской идеологии, мусульманин не имеет права «вводить в свое тело никакой посторонней субстанции». Впрочем, грехи можно и искупить: следует за каждый грех «накормить 60 бедных пищей, которая уместится в двух горстях каждого». Естественно, состоятельному мусульманину легче быть безгрешным, чем бедняку...

Старожилы.

Рамадан и иные религиозные праздники — воплощение той власти над душой простого араба, которую все еще имеют исламистские круги. Отсюда их влияние — пусть скрытое, но широкое и устойчивое — на политическую жизнь в арабских странах, на решение социальных и иных проблем.

Религиозным праздникам сопутствуют и явления социального характера, на которые указывают многие арабские экономисты. Среди них — нарушение производственного ритма на фабриках и заводах, возрастание утомляемости работников, лишенных питания в течение рабочего дня, что приводит к падению производительности труда. Алжирская газета «Аль-Муджахид» провела статистические исследования на одной из ткацких фабрик и обнаружила, что в период рамадана фабрика вырабатывала на 6 тысяч метров ткани меньше, чем обычно, что принесло ей убытков на 10 миллионов алжирских франков. Другое сопутствующее явление — рост цен на некоторые товары первой необходимости. Дело в том, что в период рамадана предписано питаться определенными продуктами. Спрос на них резко повышается, и спекулянты используют это в своих целях.

В Тунисе, как и в других арабских странах, идет своего рода дискуссия между «традиционалистами» и «модернизаторами», то есть теми, кто хотел бы сохранить образ жизни арабов таким, каким он был в прошлые века, и теми, кто добивается его реформации в соответствии с требованиями времени. Президент Туниса Хабиб Бургиба, выступая в связи с этим вопросом, сказал, что во всех случаях должен быть «отдан приоритет экономической битве». Хабиб Бургиба имел в виду ту самую проблему, которая упоминалась выше,— падение производства в период религиозных праздников, и пытался решить ее на основе мусульманских традиций.

Прогрессивные режимы в ряде арабских стран исходят из исторического факта неразрывной связи образа жизни простого араба, трудящейся массы с исламской религией. Таковы реальные условия, в которых ведется борьба за прогресс и социальные преобразования. И игнорировать эти условия было бы ошибкой.

Если с политическими последствиями колониализма Тунис справился сравнительно успешно, то с экономическими дело обстоит куда сложнее. Нет смысла описывать то наследие, которое оставила здесь колониальная эксплуатация,— оно такое же, как и в других развивающихся странах: низкий уровень жизни, поголовная неграмотность, отсутствие национальных кадров, безработица.

Как победить в битве с экономической отсталостью и поднять уровень жизни тунисцев? Как создать и развить национальную экономику, обеспечивающую потребности страны? Одна из основных трудностей, с которой столкнулось молодое тунисское государство, состояла в отсутствии средств для необходимых капиталовложений.

До последнего времени в руководящих кругах страны преобладала экономическая доктрина так называемого «использования накопления капиталов в результате создания Европейского экономического сообщества». Доктрина эта не тунисского происхождения, она разработана институтом инвестиционной политики Общего рынка. Смысл ее заключается в том, чтобы использовать излишки капиталов, образовавшихся в результате ликвидации таможенных тарифов между странами Общего рынка для вложения их в экономику стран «третьего мира». Согласно этой доктрине, целесообразна не форма государственных займов, а прямые капиталовложения. В ряде стран «третьего мира» эта доктрина нашла своих сторонников. Тунис был среди тех стран, которые довольно активно встали на этот путь, широко открыли двери иностранным капиталовложениям из Англии, Соединенных Штатов, Франции, Италии.

Оправдала ли себя эта практика? Оказалась ли она способной решить острые экономические проблемы?

Этот вопрос ставит сейчас перед тунисцами сама жизнь. В кругах тунисской интеллигенции, среди студенчества он стал предметом оживленных дискуссий. Я присутствовал на одной из таких дискуссий, организованной в Тунисском университете. В ряде выступлений указывалось на то, что машиносборочные предприятия принадлежат английским фирмам, а нефтеперегонный завод на юге — американским монополиям, и, следовательно, их нельзя отнести к национальной экономике Туниса. Эти и иные предприятия, подчеркивали участники дискуссии, практически управляются из Лондона или Нью-Йорка. Чем же они отличаются от тех, которыми владели колонизаторы в период своего господства в стране?

— Тунисское правительство контролирует их деятельность,— возразил докладчик, сторонник существующей доктрины.

— Контролировать что-либо не значит еще владеть тем, что контролируешь,— ответил ему молодой экономист.

Прогрессивно мыслящие представители тунисской общественности отмечают также, что ориентация на иностранные капиталовложения в экономику не решила такой острой проблемы, как ликвидация безработицы: она по-прежнему существует, в особенности среди рабочего класса столицы и северных областей страны.

Наконец, указывается, что до сих пор не использованы возможности технического и экономического сотрудничества с социалистическими странами.

— У нас перед глазами опыт сотрудничества СССР с Египтом и Ираком,— говорил мне тунисский социолог Тахир Заки.— В Египте сооружение Асуанской плотины, Хелуанского металлургического комплекса положило начало истинно национальной промышленности, независимой от иностранных монополий. А ведь мы помним, как раньше Египет ни на шаг не мог отойти от лондонской или нью-йоркской биржи. Именно Советский Союз оказал Ираку ту решительную поддержку, которая помогла ему выиграть бой с английскими нефтяными монополиями. И это привело не к новой экономической зависимости, а к складыванию гармонических взаимовыгодных отношений между Советским государством и этими арабскими государствами.

Действительно, возможности советско-тунисского экономического сотрудничества использованы далеко еще не в полной мере. В Тунисе сегодня работают советские врачи и инженеры, нефтяники, текстильщики. Тунисцы отмечают их скромность, добросовестность, настоящую любовь к делу. Они не требуют комфортабельных вилл, автомобилей или высоких окладов, как это часто бывает со специалистами Запада. И это вызывает симпатии к ним тех, кто с ними сталкивается.

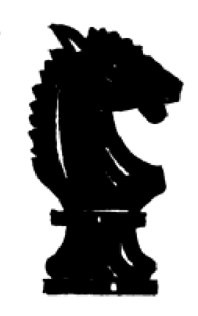
Западная пропаганда старательно создавала зловещий облик «людей Москвы», приезжающих в страны «третьего мира», чтобы «навязывать коммунизм». Советский человек всюду, где бы он ни появился, без труда рассеивает эту легенду самим своим обликом, своим поведением. Так происходит и в Тунисе.

Вот один из примеров. В предместье Туниса расположен Национальный технический институт. Он построен по советским проектам, его лаборатории оснащены советским оборудованием. В институте преподают советские профессора, технические специалисты. По признанию тунисцев, институт стал настоящей кузницей национальных кадров для тунисской промышленности. Отсюда выходят специалисты самых разных профилей, начиная от инженера и кончая специалистами технического направления, способными решать вопросы модернизации тунисского народного хозяйства. И вот весьма важная особенность, о которой говорят выпускники института: если у многих тунисских специалистов, получивших образование в институтах Запада, старательно воспитывали сознание «превосходства капиталистической системы», методов экономики частного предпринимательства и даже больше — чувство того, что надо подтягиваться до западных эталонов, то из Национального института студенты выходят уверенными в своих силах, исполненными чувства ответственности перед своим народом, с гордым сознанием своей способности решать важные проблемы. Сама система воспитания специалистов в институте основывается на принципах патриотизма и демократичности.

— Мы хотим, чтобы из наших стен выходила не «техническая элита», а люди, преданные народу, готовые служить ему,— так определил задачи этого учебного заведения доктор Хассан Сабри, один из членов ученого совета.

У Туниса много проблем. Но уже сегодня он не такой, каким был вчера, а завтра он станет иным, нежели сегодня. Тунисские рабочие, студенты, инженеры — вот силы, которые создают будущее страны. Они найдут решение всех проблем.

Тунис.



ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТРОЙКА

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Дайте мне «скромное» третье место, и я поеду домой. В начале турнира об этом мечтали почти все участники межзонального турнира в Ленинграде. Почти, потому что А. Карпов и В. Корчной явно стремились к большему, они играли бескомпромиссно на выигрыш, на первое место.

Приводим партии трех призеров ленинградского турнира — трех пассажиров в «тройке». Каждая из этих партий в какой-то степени творческая биография А. Карпова, В. Корчного и Р. Бирна.

ФЕЙЕРВЕРК КАРПОВА

Молодой аргентинский гроссмейстер М. Кинтерос был единственным участником, носящим бороду, и ленинградцы легко узнавали его. Кинтерос обратил на себя внимание еще и тем, что выступал под номером 13. Об этом еще долго не забудет Б. Ларсен. Какая ирония судьбы! В 13-м туре Ларсен проиграл Кинтеросу, стоящему тринадцатым в турнирной таблице, что имело весьма грустные последствия для датского гроссмейстера.

Анатолий Карпов явно не из слабонервных и суеверием не страдает. Ему все равно, что 13, что 12а (как говорят англичане). Кинтеросу Карпов учинил жуткий разгром. Фейерверк Карпова был отмечен как одна из лучших партий турнира.

А. Карпов — М. Кинтерос

Сицилианская защита

1. e2—e4 c7—c5 2. Kg1—f3 d7—d6 3. d2—d4 c5:d4 4. Kf3:d4 Kg8—f6 5. Kb1—c3 a7—a6 6. Cc1—g5 e7—e6 7. f2—f4 Фd8—b6 8. Kd4—b3. (Интересный психологический момент: Кинтерос, друг Фишера, применяет вариант из 11-й встречи Спасский — Фишер, в которой после 8. Фd2 Фишер погнался за пешкой b2 и потерпел фиаско. Возможно, что Кинтерос хотел узнать от Карпова последнее слово моды, но Карпов не собирается выдавать все свои творческие секреты. Это он сделает в турнире претендентов, если найдутся такие смельчаки, которые сыграют 7... Фb6.) 8... Cf8—e7 9. Фd1—f3 h7—h6 10. Cg5—h4 Kb8—d7 11. 0—0—0 Фb6—c7 12. Ch4—g3 b7—b5 13. e4—e5 Cc8—b7 14. Фf3—e2 d6:e5. (Первая, серьезная неточность аргентинца. Напрасно он скрывает линию «d». Напрашивается 14... Kd5). 15. f4 : e5 Kf6—h7. (Теперь уже нельзя на d5 из-за 16. K:d5 C:d5 17. Л:d5 и затем 18. e6). 16. Kc3—e4 Ce7—g5+.(Шах королю, шах Карпову—единственное удовольствие, которое получил Кинтерос в этой партии). 17. Kpc1—b1 0—0 18. h2—h4 Cg5—e7 19. Ke4—d6 Cb7—d5. (Позиция черных не из розовых, но ход в тексте дает белым возможность жертвой качества форсировать выигрыш. Лучше было 19... Cc6). 20. Лd1:d5! e6:d5 21. Kd6—f5 Фc7—d8 22. Фe2—g4 g7—g6 23. Kf5:h6+Kpg8—g7 24. Kh6—f5+. (Любители изящного могли упрекнуть Карпова, почему он не избрал другой путь, а именно 24. Kd4 Kp:h6 25. Kf5+). 24... Kpg7—h8 25. Cf1—d3 Лf8—g8 26. Kf5—h6 Лg8—g7 27. h4—h5 Фd8—e8 28. e5—e6 Kd7—f6 29. e6:f7 Фe8—d8 30. Фg4—d4 Kf6:h5 31. Cg3—e5 Ce7—f6 32. Лh1—e1 Cf6:e5 33. Лe1:e5 Kh5—f6 34. g2—g4 Фd8—f8 35. g4—g5 Kf6—e4 36. Cd3:e4 d5:e4 37. Фd4:e4. Кинтерос сдался, ибо у него нет ни одного благоразумного хода.

ФИНИШНЫЙ БРОСОК КОРЧНОГО

В последнем туре Карпов быстро одолел Е. Торре и стал «калифом на два часа». В напряженной борьбе Корчной победил Р. Хюбнера и на последней прямой догнал Карпова. Вот заключительный аккорд Корчного:

В. Корчной — Р. Хюбнер

Английская игра

1. c2—c4 Kg8—f6 2. Kb1—c3 c7—c5 3. Kg1—f3 g7—g6 4. e2—e4 Cf8—g7 5. d2—d4 c5:d4 6. Kf3:d4 Kb8—c6 7. Kd4—c2 d7—d6 8. Cf1—e2 Kf6—d7 9. Cc1—d2 Kd7—c5 10. b2—b4 Kc5—e6 11. Лa1—c1 0—0 12. Kc3—d5 Ke6—d4. (Белые владеют ключевым пунктом d5, и черные хотят укрепиться на d4. Однако когда двое делают то же самое — это не то же самое). 13. Kc2:d4 Kc6:d4 14. Cd2—g5 Лf8—e8 15. 0—0 Cc8—e6 16. Лf1—e1 Kd4:e2+. (Иначе слон убежит на f1). 17. Лe1:e2 Фd8—d7 18. Лe2—d2 Ce6:d5. (Рано или поздно этого коня ликвидировать надо. Но черные должны были сделать ход 18... Лac8). 19. Лd2:d5 Фd7—e6 20. Фd1—d3 Лa8—c8 21. Cg5—e3 a7—a6 22. h2—h3 Лe8—f8. (Черным ничего не грозит, но создать какую-то контригру они также не могут. Хюбнер собирается сыграть f5, но следующим ходом Корчной этому воспрепятствует), 23. g2—g4 Фe6—f6 24. Ce3—g5 Фf6—b2. (Первый активный ход Хюбнера). 25. a2—a3 Лc8—c7 26. c4—c5 Лf8—c8. (У черных уже серьезные трудности. Они были бы и в случае 26... dc). 27. Kpg1—g2 Cg7—f8. (Хитрый ход Корчного 27. Kpg2 был связан с угрозой, которую Хюбнер недооценил). 28. c5:d6!.. (Красивый тактический удар. Не сразу зрительный зал понял, за что Корчной отдает фигуру). 28... e7 : d6 (Хюбнер быстро разобрался в ситуации: в случае 28... Л:c1 29. C:c1 Ф:c1 30. d7 Лd8 31. Лc5 с последующим 32. Лc8 все становится ясным). 29. Лc1:c7 Лc8:c7 30. e4—e5 Лc7—c2 31. Cg5—d2 d6:e5 32. Лd5—d8 Kpg8—g7 33. Фd3—e3 Cf8—e7 34. Фe3—h6+ Kpg7—f6. (Такие экскурсии никогда добром не кончаются). 35. Фh6—h4+ Kpf6—e6 36. Лd8—e8 Лc2 : d2. (Или 36. Лc7 37. Cg5.) 37. Фh4 : e7 + Kpe6—d5 38. Лe8—d8+ Kpd5—c6, и одновременно Хюбнер срочно сдался, иначе он получил бы мат на c5.

СХВАТКА ЗА ТРЕТЬЮ ПЛАЦКАРТУ

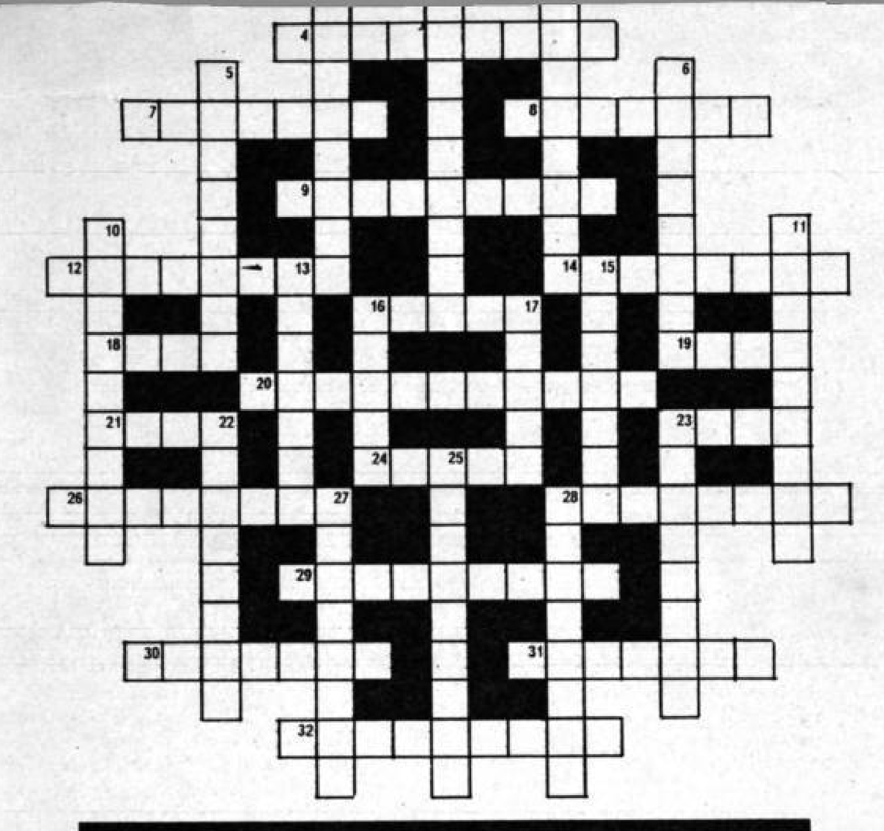
В 15-м туре у Б. Ларсена была последняя возможность попасть в тройку, если бы он сумел победить Р. Бирна. Но Ларсен провел эту решающую партию, прямо скажем, слабовато.

Бирн играл весь турнир аккуратно (он проиграл лишь Корчному) и заслуженно стал попутчиком в тройке с нашим дуэтом Карпов — Корчной. Победа над Ларсеном Бирну далась удивительно легко: чтобы проиграть эту партию, Ларсену понадобилось всего-навсего 1 час и 3 минуты. Вот как проходила эта важная в спортивном отношении партия:

Б. Ларсен — Р. Бирн

Староиндийская защита

1. c2—c4 g7—g6 2. d2—d4 Kg8—f6 3. Kb1—c3 Cf8—g7 4. e2—e4 d7—d6 5. f2—f3 a7—a6 6. Cc1—e3 c7—c6 7. c4—c5 0—0 8. Kg1—e2 Kb8—d7 9. Ke2 — c1 b7—b5 10. Cf1—e2 d6 : c5 11. d4 : c5 Kd7—e5 12. Фd1—c2 Cc8—e6. (Одной из сильных сторон Бирна является хорошее знание дебюта. В борьбе с Бирном получить преимущество в дебюте не так просто. Ларсену это не удалось). 13. 0—0... (Неясно, почему Ларсен не играл 13. b3). 13... Ce6—c4 14. Лf1—d1 Фd8—c7 15. b2—b3 Cc4 : e2 16. Kc1 : e2 Лf8—d8 17. h2—h3 Лd8:d1+ 18. Лa1:d1 Лa8—d8 19. f3—f4. (В подобных ситуациях гроссмейстеры часто друг другу улыбаются. Улыбка означает: как насчет ничьей? В данной партии ничья устраивала только Бирна. Ларсен начинает играть на выигрыш, но поздновато! С голыми руками сегодня трудно выиграть партию у такого первоклассного противника, каким, несомненно, является американский гроссмейстер). 19... Лd8:d1+ 20. Фc2:d1 Ke5—d7 21. e4—e5 Kf6—e8 22. b3—b4 Kd7—b8 23. a2—a4. (Холостой выстрел: лучше было 23. Ke4 или 23. Kd4 или... соглашаться на ничью). 23... Фc7—d7 24. Ke2—d4 Ke8—c7 25. Фd1—b3. (Неосторожный ход. После партии Бирна спросили, чем он объясняет поражение Ларсена. Он ответил: «По-моему, Ларсен не заметил мой следующий ход»). 25... g6—g5! (Сильный фланговый удар, который расшатает центр белых). 26. f4:g5 Cg7:e5 27. Kd4—f3 Ce5 : c3 28. Фb3 : c3 Фd7—d1+ 29. Kpg1—h2 Kc7—d5 30. Фc3—e5 Kb8—d7. (Конница черных быстро раздавила позицию белых). 31. Фe5—e4. (Теперь теряется слон, но после 31. Фd4 Ф : d4 и затем 32... ba белым также пора сдаваться. Из этого вытекает, что Ларсен давным-давно должен был разменять пешки на b5). 31... Фd1—e2 Ларсен сдался.



КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Самопишущий прибор для регистрации влажности воздуха. 7. Приток Колымы. 8. Сорт яблок. 9. Воевода нижегородского ополчения. 12. Жанр камерной музыки. 14. Малая планета. 16. Лососевая рыба. 18. Состязание лошадей на ипподроме. 19. Французский живописец-пейзажист XIX—XX веков. 20. Часть речи. 21. Денежная единица Ирана. 23. Отличительный знак государства, города. 24. Столица Каракалпакской АССР. 26. Карело-финский эпос. 28. Глубоководный снаряд для океанографических исследований. 29. Лечебно-профилактическое учреждение. 30. Химический элемент. 31. Архитектурный стиль XVI—XVIII веков. 32. Соразмерность.

По вертикали: 1. Итальянский композитор, автор оперы «Тайный брак». 2. Порт в Нидерландах. 3. Персонаж комедии Шекспира «Укрощение строптивой». 5. Шахтная печь для получения жидкого чугуна из металлической шихты. 6. Материал для покрытия полов. 10. Порода собак. 11. Деталь часов. 13. Залив Атлантического океана у берегов Ирландии. 15. Украинский духовой инструмент. 16. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 17. Лицевая сторона монеты. 22. Советский авиаконструктор. 23. Искусство резьбы на цветных камнях. 25. Советский живописец. 27. Наука о строении живого организма. 28. Руководитель производственного коллектива.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34.

По горизонтали: 4. Олимпиада. 5. Контрамарка. 10. Саранск. 11. «Арсенал». 15. Дождь. 16. Лисичка. 18. Почта. 19. Хабанера. 20. Бетатрон. 21. Вагиф. 22. Ангарск. 25. Мосин. 28. Колибри. 29. Анероид. 31. Ковалевская. 32. «Нахлебник».

По вертикали: 1. Лаплас. 2. Водопад. 3. Канклес. 6. Тиски. 7. Атрек. 8. Майданников. 9. Лаборатория. 12. Монблан. 13. Лимонад. 14. Вторник. 16. Лиана. 17. Айбек. 23. Норка. 24. Синус. 26. Ливорно. 27. Ярмарка. 30. Железо.

На первой странице обложки: Надя Дуркина — старший техник лаборатории лосеводства Костромской сельскохозяйственной опытной станции.

Фото Э. Эттингера

На последней странице обложки: Цинк и медь Алмалыкского горно-металлургического комбината. Катя Путилина, водитель электрокара, доставила на склад отлитую партию слитков цинка. Цех непрерывного литья меди.

Фото Дм. Бальтерманца

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 6/VIII-73 г. А 00110. Подп. к печ. 21/VIII-73 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1900. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 943.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЛОСИНАЯ ФЕРМА

М. ХРОМЧЕНКО

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

Каждое утро над деревней Сумароково раздаются призывные звуки горна. Горнист терпелив и настойчив, он повторяет свой призыв еще раз, и еще, и еще. Проходит двадцать — тридцать минут, и на опушку леса выходят под аккомпанемент колокольчиков лоси. Спокойно и грациозно — трудно поверить, что иные из них весят до полутонны,— лесные великаны идут к людям, соскучившись по ним за ночь. Так начинается рабочий день на лосеферме Костромской сельскохозяйственной опытной станции.

Она была создана восемь лет назад по инициативе молодого специалиста Анатолия Павловича Михайлова. Начинали на пустом месте. В окрестных лесах выловили пять лосят недельного возраста, привезли на ферму и начали приручать к человеку. Самое сложное — ввести животное в культуру, приучить к стаду, к распорядку.

Эта задача стóит того, чтобы ею заниматься всерьез. Некоторые лосихи костромской фермы уже дают до шести литров молока в день. И какого молока! Оно в пять раз богаче коровьего белком и втрое жирнее: масло из него можно сбивать без сепарирования. Сто граммов лосиного мяса полностью покрывают суточную потребность человека в витаминах и микроэлементах. Растут же лоси в стремительном темпе, причем поразительно неприхотливые в еде. Летом они обходятся болотной травой — иван-чаем и зелеными побегами, осенью довольствуются опавшими листьями, корой осины и хвоей — зимой. И потому, как утверждает Михайлов, могут быть идеальным домашним «молоко- и мясозаводом» в лесных и таежных районах Сибири и Дальнего Востока с их скудной кормовой базой. Между тем

А. П. Михайлов со своими питомцами.

Сумароковский молодняк.

Так начинается каждый день.

Одна из обязанностей П. Н. Витаковой.

Завтрак приехал.

там постоянно рубят лес. Древесина идет в производство, а кору, ветви и листья выбрасывают или сжигают. Одного этого было бы вполне достаточно, чтобы прокормить не нынешнее поголовье — во много раз больше! Надо только по-государственному подойти к этой задаче и приложить труд.

Что касается второго, то мы, не боясь журналистских штампов, свидетельствуем: на ферме работают исключительно энтузиасты! Другим здесь просто делать нечего. Судите сами. К утру, когда лоси придут из леса, надо на всех наготовить подсоленной воды, а малышам еще молока и овсяной болтушки. Потом надо подоить лосих, время от времени всех взвесить и измерить. Наконец, с двух до восьми все стадо, а сегодня в нем сорок голов, надо пасти в лесу: не для того, чтобы не разбежались,— чтобы все больше и больше привыкали к человеку. А как трудно приходилось этой весной, когда «население» фермы пополнилось сразу девятнадцатью новорожденными! К слову, в это с трудом поверили не только предшественники костромичей из Печоро-Илычской лосефермы, но и коллеги из Швеции, Канады, США.

Впрочем, говоря «в порыве энтузиазма», не оправдываем ли мы порой невнимание к делу со стороны тех, от кого должна исходить помощь? Потому что энтузиазм прекрасен в решающий период, скажем, перекрытия плотины, и плохо, когда его приходится проявлять постоянно. Но как прикажете быть нашим героям!

На лосеферме в Сумарокове трудятся, не считая двух подсобных рабочих, четыре человека. Это сам Михайлов, его жена, младший научный сотрудник Полина Николаевна Витакова, старший техник Надя Дуркина (она окончила зооветеринарный техникум в Нарьян-Маре, побывала здесь на практике и осталась насовсем) и Алексей Келип, старший лаборант, студент-заочник костромского сельскохозяйственного института «Караваево». Среди них нет даже ветеринарного врача.

— И всем, независимо от должностей, приходится быть то заготовителями кормов, то пастухами, то дояраминми,— рассказывала Витакова.— Трудности усугубляются неналаженным бытом: на ферме и в деревне нет телефона, машины, магазина...

Но тут Михайлов остановил жену.

— Полина, Полина,— характерно окая, сказал он,— это же мелочи жизни.

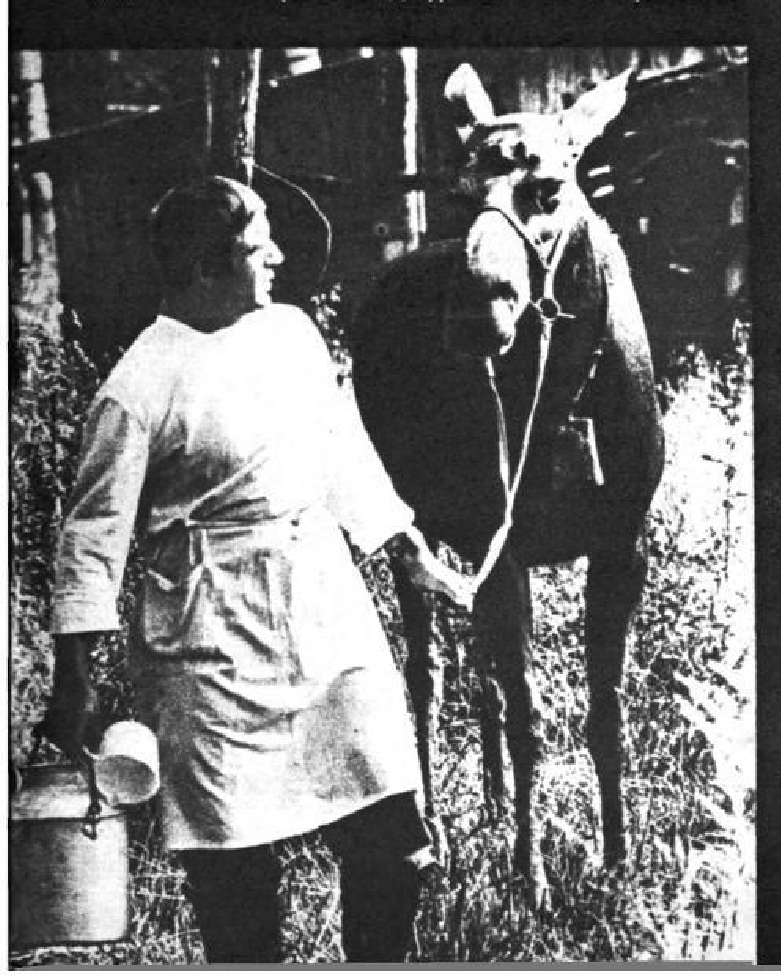
Тогда она, словно и впрямь устыдившись минутной слабости, добавила, улыбаясь:

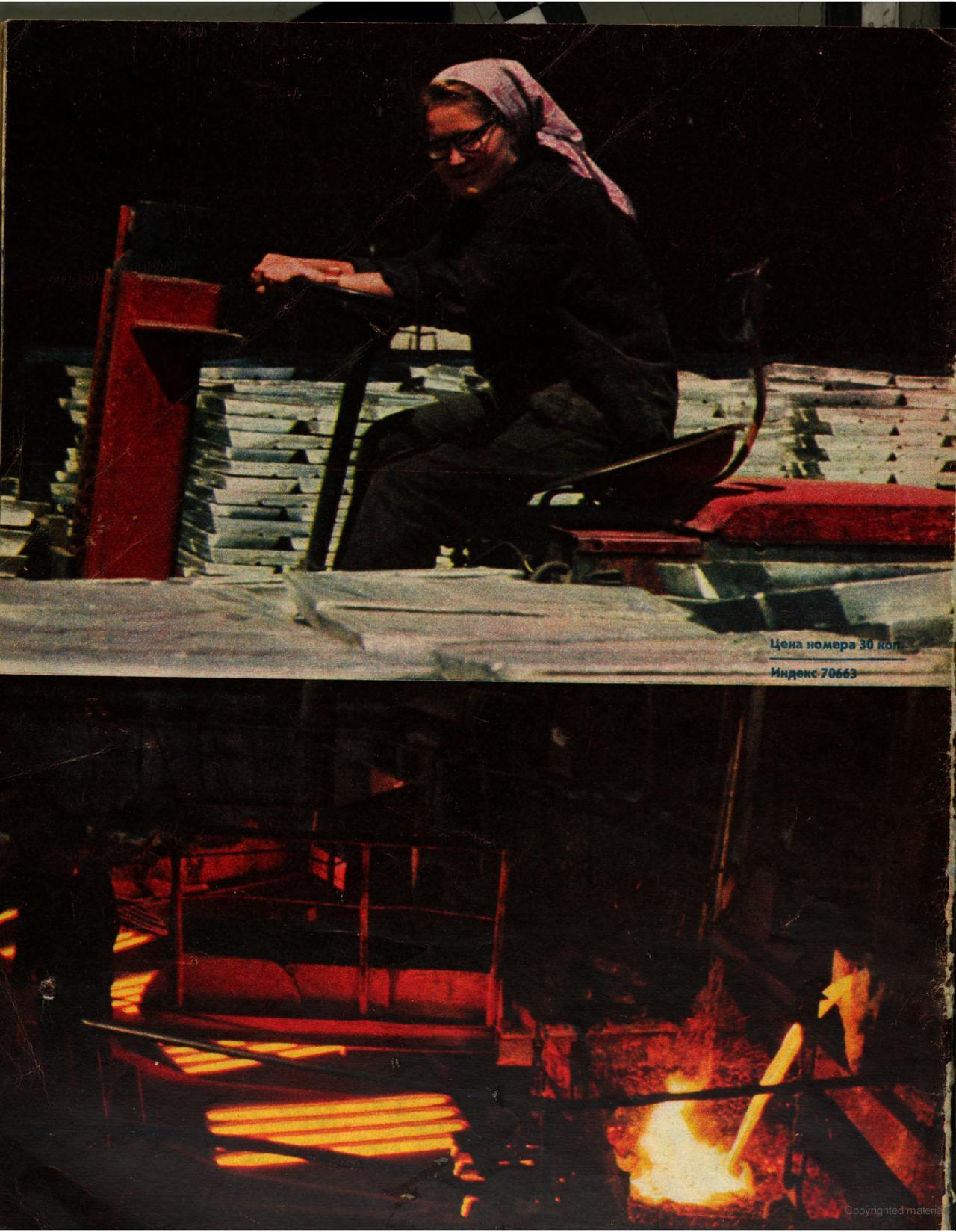
— Самое же трудное — в восемь часов уйти из леса. Понимаете, лоси ни в какую не хотят расставаться с человеком. Уж я и бегу от них, прячусь, то на дерево залезу, то в снег зароюсь, а они все равно отыщут. Найдут — и стоят вокруг: мол, куда ж ты от нас! Знаете, до чего дошли! Все разбредутся по лесу, а около меня часового оставят! Правда, правда, словно не я их пасу, а они меня караулят...

Старший лаборант Алексей Келип — «по совместительству» дояр.

Вслед за хозяйкой.

За анализами для лосефермы. Старшие коллеги из Костромской сельскохозяйственной опытной станции — кандидат сельхознаук В. М. Джурович и М. П. Кужбалова.





Цена номера 30 коп.
Индекс 70663